

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

20 февраля 2013 г.

№ 16

Бытием или субъектностью обладает только тот, кто никогда не перестает грести — вплоть до своего смертного часа

В связи с тем, что произошло 9 февраля 2013 года в Колонном зале Дома Союзов, я считаю необходимым вернуться к уже обсужденной ранее теме. И напомнить читателю уже приводившиеся мною слова одного опытного туриста. Который так напутствовал группу новичков, вознамерившуюся осуществить сплав по очень бурной и порожистой реке: «Если все будет происходить вот так и так, — говорил он, — гребите. А если все будет происходить не так, а этак... И этак... А еще и вот этак, то... тоже гребите».

Бытием или субъектностью обладает только тот, кто никогда не перестает грести — вплоть до своего смертного часа. Когда-то вашу лодку может подхватить мощный поток, несущий вас в нужном направлении. Но и тогда нужно грести. Чаше же — грести надо против течения. О чем прекрасно сказано в стихотворении А. К. Толстого.

*Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь, певцы и художники! Кстатц ли
Вымысли ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
Сдайтесь натиску нового времени,
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?»*

*Други, не верьте! Все та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звезды небесные!
Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!*

Очень многим покажется дикой и сама рекомендация плыть против течения, и мое утверждение о том, что именно это «против течения» — и есть подлинность жизни, субъектность, «вкус счастья на губах» и так далее. Но я думаю, что те, кто сидели 9 февраля 2013 года в Колонном зале Дома Союзов, понимают, о чем я говорю. То есть я, конечно, надеюсь, что не только они это понимают. Но они-то уж точно понимают. Потому что они гребли против течения два года. И более года гребли против мощного, яростного течения. Ведь и впрямь течение, против которого мы плыли после Поклонной горы, было и мощным, и яростным.

Это теперь КИПРФ открыто признала ошибкой свое сотрудничество с Удальцовым. Да и то... Развернуто о том, что неправильно вели выборную кампанию, совершили крупную ошибку, прислушиваясь к Удальцову и взаимодействуя с ним, Зюганов пока что сказал только келейно — своему ближайшему окружению. Публично об этом сказал Ники-

Против течения

В.И.Суриков. Гребец, 1912. Фото с сайта gallerix.ru

тин. Но что называется через губу, и не давая разъяснений: что за ошибка была совершена, почему была совершена и так далее.

А что творилось весь этот год? Как бесновались по нашему поводу КИПРФники и их, прошу прощения, блогерское охвостье? А сбор подписей против ювенальной юстиции? Кто только не говорил, что это «картель напрасный труд», что занимаемся непонятно чем!

А ведь были и еще более мудрые оппозиционные «дятлы» (КИПРФные, в том числе), утверждавшие, что оппозиция всегда должна быть против власти, что бы она ни делала. Мол, даже если власть начнет делать то, что рекомендовала делать оппозиция, все равно надо быть против нее. И где теперь всё это?

КИПРФ поддержала «закон Димы Яковлева», расторгла отношения с Удальцовым, назвала свой роман с Удальцовым политической ошибкой. Сказавши А, надо говорить Б. Если роман с Удальцовым был политической ошибкой КИПРФ, то всё, что она делала на выборах, тоже было огромной ошибкой.

Подчеркиваю, именно огромной ошибкой. То есть не ошибочкой, а ошибившей. Впрочем, дело никоим образом не сводится к КИПРФ и другим слагаемым того мутного и бурного течения, против которого

мы плыли. Дело в том, куда мы приплыли. И опять же — все никак не сводится к тому, что Президент России и глава президентской администрации посетили наше мероприятие. Намного важнее, к кому именно они пришли.

Люди, превращающие политику в светскую хронику, лепечут глупости по поводу того, что пришли они к «зловещему Кургиняну». На самом деле они пришли к полутора тысячам людей, плывшим очень долго против течения. Вспомните все мероприятия, на которых мы лицезрели этих высоких руководителей. Вспомните, какие лица показывали в зале в подавляющем большинстве случаев. Это были чиновно-окаменелые лица или бессмысленно-радостные лица какой-нибудь из политических массовок. А теперь посмотрите на прекрасные съемки зала, сделанные высокопрофессиональными операторами. Часто ли высокие должностные лица, приехавшие на наш съезд, общались с аудиторией, чьи реакции очевидным образом не зарегулированы? С аудиторией, которая не запрограммирована на аплодисменты или улюлюканье? Думается, ответ очевиден.

Очевидно и другое. Что высокие должностные лица пришли в этот зал потому, что два года упорного движения против течения

превратили идеалистическую романтическую молодежь в политическую силу. Или, скажем скромнее, пока еще — в «протосилу». Но уже и такое превращение за столь короткий срок является настоящим политическим чудом.

Однако не надо говорить о «чудесах вообще». Лично я уверен, что в жизни есть только одно реальное чудо — чудо подвижничества, неустанного, сверхнапряженного, блестяще организованного труда. Труд осмысленного, коллективного. Труд жертвенного и бескорыстного.

Только такой труд меняет тех, кто трудится. И только изменившись, они начинают менять жизнь. Нам еще расти и расти в этом направлении. И все же — давая порою сбой, совершая ошибки, сгибаясь под непосильными нагрузками — «сутевцы» растут. Растут потому, что трудятся. И трудятся потому, что растут.

Может быть, это и есть главное? Не то, к кому кто пожаловал, а то, что удастся вернуть родителям детей, дать отпор осквернителям всего, что нам дорого. Может быть, к первым островкам такой возможности мы и приплыли после тяжелого изнурительного труда. И не надо обольщаться — главный труд впереди.

Поэтому я заканчиваю свое короткое поздравление строками всё из того же стихотворения:

*В оные ж дни, после казни Спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,
Шли проповедовать слово учителя,
Книжники так говорили надменные:
«Распят мятежник! Нет проку в осмеянном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!»*

*Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своєю гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святыею!
Верх над конечным возьмет бесконечное
Верое в наше святое значение,
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!*

Есть люди, которые плывут по течению от рождения до смерти. Эти люди уверены, что все остальные плывут тоже именно так. И что ничего другого в жизни не существует. Таких людей мне искренне жаль.

Поздравляю нас с тем, что мы плывем против течения, дабы возбудить течение встречное. И желаю всем нам, чтобы мы это течение и впрямь возбудили.

Сергей Кургинян

2 ОТ ПОКЛОННОЙ ДО КОЛОННОГО

Роль нашего движения в той политической войне, которая определяет облик современной России

5 ЕЩЕ РАЗ О СУТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЙН

6 СОКРУШЕНИЕ КРАСНОЙ ЦЕРКВИ

7 НА ПУТИ К СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ

8 РАЗВЕДКА СЪЕЗДОМ, ИЛИ ЭТО, КОНЕЧНО, АТАС!

10 В ЧЕМ ПРИЧИНА? — 2

11 СЕМЬЯ: ОТ СТАЛИНА ДО ПЕРЕСТРОЙКИ

12 КЛУБ ГОСПОД

13 СИРИЙСКИЙ КОЛОКОЛ — 3

14 КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НЕ-БЫТИЯ

Концепты постмодернизма. Часть V

15 КАЗАЧЕСТВО. ИСКУШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТЬЮ

16 ПЕРВЕРСИВНЫЙ ИДЕАЛ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ НОРМЫ

Война с идеальным в культуре и СМИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Истощенные визги после Поклонной горы и после Колонного зала порождены нашими активными воздействиями. И потому являются бесценными не только с политической, но и с аналитической точки зрения

От Поклонной до Колонного

Роль нашего движения в той политической войне, которая определяет облик современной России

I.

Конечно, можно, объясняя читателю, что такое политическая война, ссылаться на различные исторические прецеденты. И в какой-то мере это даже необходимо. Но если в твоей стране разворачивается политическая война, а ты анализируешь, как именно ее вели... ну, я не знаю, какие-нибудь древние финикийцы... то чем ты именно занимаешься? Вестимо, чем — сооружаешь башню из слоновой кости. Прекрасно понимая при этом, что ситуация в стране крайне неблагоприятная, и башню эту обрушат вместе со страной. Причем с особой беспощадностью, дабы неповадно было представителям местного населения (они же тутешние) заниматься тем, чем подобает заниматься только местным представителям захватчиков (они же тамешние), которые это население завоевали.

Но дело даже не в том, что башня из слоновой кости, занимающаяся политическими, концептуальными и прочими войнами, в нынешней России будет обрушена прежде всего и с особой жестокостью. Дело в том, что Россия будет обрушена. А политическими, концептуальными и прочими войнами надлежит заниматься не из удовольствия. По крайней мере, я от этих занятий никакого удовольствия не испытываю. Да и мои ближайшие соратники тоже.

Занимаемся мы всеми этими войнами, потому что они ведутся против нашей страны. А в каком-то смысле — и против всего человечества. И мы считаем своим долгом дать этому отпор. Ведь в силу определенных причин мы яснее многих понимаем характер ведущихся войн, их внутреннюю специфику, их точки уязвимости. А значит, мы исследуем войны против нас для того, чтобы организовывать войны против них, то есть против тех, кто нам объявил войну на уничтожение. Организуя такие войны, мы собираем войнов под свои знамена. А это совсем не то же самое, что собирать исследователей для постижения загадок исследуемого. Собирая воюющих под свои знамена, мы должны честно сказать следующее.

Первое. Враг очень силен и коварен, а значит, шансов на победу у нас немного.

Второе. Враг не только силен и коварен. Он также труслив, подл, невероятно глуп, лицемерен и так далее. А значит, шансы на победу у нас всё же есть.

Третье. Этих шансов тем больше, чем очевиднее станут для общества перечисленные выше свойства нашего врага. А значит, мы должны делать эти свойства всё более очевидными. Это называется «срывание всех и всяческих масок».

Четвертое. Победа врага обернется только полным уничтожением всего, что нам дорого. А значит, как бы мало у нас ни было шансов на победу, мы все их должны использовать. И не просто использовать, а нарастить, мобилизуя все имеющиеся у нас возможности, добираясь до тех наших возможностей, которые называют скрытыми, резервными и так далее.

Пятое. И простая мобилизация, и мобилизация, связанная с раскрытием своих неочевидных способностей, основаны на любви. Научиться любить то, что враг хочет

уничтожить, любить по-настоящему — вот в чем важнейшая наша цель. Это право на любовь — настоящую, беспредельную, окончательную — враг хочет у нас отнять прежде всего. Для этого он осквернял наше прошлое, для этого он сеял и продолжает сеять разврат, имморализм. Для этого он стирает грань между честью и бесчестьем, правдой и ложью.

Всё, что враг стирает и разрушает, мы должны восстанавливать. И в себе, и в окружающих. В этом смысле и впрямь — «спаси себя и вокруг тебя спасутся тысячи».

Шестое. Для того чтобы начать так спасаться, надо понять, что на тебя обрушилось некое излучение, лишаящее тебя необходимых фундаментальных способностей. И в чем-то очень похожее на излучение радиационное. Для этого мы используем фундаментальный образ (и даже символ) «Зоны Ч» — со всеми следующими из этого выводами.

Седьмое. Для того чтобы шансов на победу было больше, нужно наращивать и крепить свои ряды. А также учиться, учиться и учиться. Чему учиться? Искусству войны. Против нас ведется очень сложная война, это высокое искусство. И даже высочайшее. Враг не верит, что его освоит широкий пласт народной интеллигенции. Враг не верит, что эта народная интеллигенция сумеет передать то, что она освоила, народу. Мы должны посрамить врага.

Восьмое. Учиться вести войну и вести войну — вот наша задача. Если мы будем только учиться — это будет башня из слоновой кости (смотри выше). Если мы не будем учиться — мы потерпим сокрушительное поражение. А значит, мы просто обязаны учиться на ходу. То есть и учиться, и вести войну. Только так и никак иначе.

Девятое. Учиться на ходу надо на том живом опыте, который дарит тебе современность. Причем не абы какая современность, а та, в которую ты погружен. Твое взаимодействие с такой современностью носит несопоставимо более полный и глубокий характер, нежели твое знакомство с тем, что поэт назвал «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Ты должен любить и изучать преданья старины глубокой. Ибо только они поведают тебе о подлинном смысле твоей современности. Но ты не должен отстраняться от современности. Ты должен понимать, что она дарит тебе неоценимый опыт. Такой, который ничто, кроме нее, тебе не подарит.

Десятое. Чем ближе ты к той современности, которая дарит тебе такой опыт, тем более серьезное воздействие она на тебя оказывает.

Одиннадцатое. Газета «Суть времени» является средством донесения до всего народа того, что против него ведется особая война на уничтожение. И средством построения партии нового типа (она же — регулярная организация «Суть времени»). А значит, наша газета в существенной степени рассчитана на членов движения «Суть времени». Подчеркиваю — в существенной и не более того. Мы адресуем газету всем. Но мы в особой степени рассчитываем на то, что она окажет на наших «сутьцев» глубокое воздействие. В чем-то сходное с тем воздействием, которое оказала газета «Искра» на кружки социал-демократов, сложившиеся в России. Любое

движение должно пережить этап кружков. Оно без этого не является органичным, а значит, и полноценным. Но пережив этот этап, оно должно идти дальше. К августу 2013 года кружковский этап движения «Суть времени» будет завершен. Начнется новый этап.

Итак, наша газета в существенной степени является газетой для «сутьцев». А какова политическая современность, в которую «сутьцы» погружены в наибольшей степени? Это, безусловно, та современность, которая породила различного рода беснования по поводу митинга на Поклонной горе и съезда, организованного «сутьцами» в Колонном зале Дома Союзов 9 февраля 2013 года, через год после Поклонной горы.

От Поклонной до Колонного — вот те вехи современности, которые дают «сутьцам» особое познание того, что такое политическая война. Потому что эта война ведется именно против «сутьцев» и одновременно против России.

Изучая политическую войну для того, чтобы ее вести, введя понятие о школе на ходу, мы не имеем право избегать изучения самих себя. И всего того, что с нами связано.

Двенадцатое. Конечно, изучать надо только то, что исторически значимо. Нельзя превращать в предмет изучения драгоценные для тебя мелочи внутренней политической жизни. Но и Поклонная, и Колонный зал — это не мелочи нашей внутренней политической жизни. И после Поклонной, и после Колонного зала враг закатил беспрецедентные политические истерики. Никким образом не соразмерные факту вмешательства в политическую жизнь страны нашей молодой и недооформленной организации. Мы дважды помешали врагу решить его задачу. И поняв, что мы ему помешали, он объявил нам войну на уничтожение. Как же мы можем, изучая политическую войну, не изучать то, как именно враг ведет эту войну против нас? Это было бы научно недобросовестно. А мы ведь не просто наукой занимаемся, так ведь?

Мы руководствуемся гениальной формулировкой Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его».

II.

Маркс ведь не имел в виду, что мир можно изменить, не постигнув его внутренних закономерностей. Уж кто-то, а Маркс-то делал ставку именно на это постижение внутренних закономерностей. Но крайне важно понять, что Маркс (тот самый, который говорил о себе, что он не марксист) исповедовал принцип активного и ценностного постижения реальности. Именно эти два фундаментальных принципа вызывали неописуемую ярость его врагов. Понимавших, насколько новой и опасной для них является методология Маркса. И делавших всё возможное для того, чтобы утаить эту методологию, подменив ее чем угодно. Или охаиванием Маркса, или его восхвалением (марксизмом то бишь). Использовалось и то, и другое, лишь бы главное не стало «руководством к действию».

Что такое ценность марксистской науки? Это утверждение о том, что целью науки является не только истина, но и нечто

большее. Истина интересовала классическую позитивистскую науку. Сразу же необходимо подчеркнуть, что говоря здесь о позитивизме, мы имеем в виду позитивизм в широком смысле слова.

Для того чтобы охарактеризовать отличие позитивизма в широком смысле этого слова от позитивизма в узком смысле слова (а также неопозитивизма и так далее), я предлагаю читателю термин «гносеологизм». Мол, если я ученый, то меня интересует истина, а там хоть трава не расти. Интегральное постижение мира, осуществлявшееся на основе мифа в древнейшей эпохе, было заменено в античную эпоху дифференциальным постижением. Было введено понятие о гносеологии, то есть сфере, занятой только постижением истинного и безразличной ко всему остальному. Об этике, то есть сфере, занятой только постижением справедливого или правового (кстати, по-английски justice — это и есть справедливость) и безразличной ко всему остальному — в том числе и к истинному в его строго научном смысле. И эстетике, то есть сфере, занятой только постижением прекрасного. И опять-таки, безразличной ко всему остальному — и к истинному, и к справедливому.

Гносеология... Этика... Эстетика... Классическая античность подарила миру эту бесценную дифференциацию, обеспечившую человечеству совсем иное качество, гораздо более высокое, нежели то, которое давал ему миф. И одновременно классическая античность начала накапливать взрывчатку в подвале здания под названием «человечество». Ибо такая дифференциация сулила в перспективе полное оскудение человечества. Не будем здесь подробно останавливаться на механизме этого оскудения. Укажем только на то, что спасением от стремительного нарастания оскудения была религия вообще и христианство в первую очередь. Ибо только оно дарило какую-то точку схода, создавало механизмы преодоления нарастающей дифференциации. Ведь Христос был и истиной, и красотой, и справедливостью. Фактом такого «и, и, и» он преодолевал непреодолимые во всем остальном границы между гносеологией, этикой и эстетикой.

Как только Модерн освободил мир от Христа как неоспоримой высшей инстанции, на границах между гносеологией, этикой и эстетикой выросли бетонные стены. И мир начал оскудевать стремительно. Нацисты пытались вернуть в мир миф как нечто, способное противостоять этому несомненному оскудению. И если бы в преодолении такого очевидного оскудения («Заката Европы» по Шпенглеру) не было явной необходимости — нацистский вирус не распространился бы так стремительно.

Маркс и коммунисты предложили миру другой способ преодоления оскудения, другую негносеологическую науку. Конечно, термин «гносеологическая наука» кому-то покажется избыточно парадоксальным. Что ж, тогда можно говорить о позитивистской в широчайшем смысле этого слова науке и том способе, с помощью которого Маркс и коммунисты предложили преодолеть этот губительный при любой его широте позитивистский подход.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Разговор о «гносеологической науке» порожден тем, что необходимо хотя бы в XXI веке добиться ясности в понимании того, какая другая, подлинная, наука является альтернативой науке гносеологической. Ну скажете вы о широчайшем позитивизме и тех опасностях, которые в нем содержатся. Вас сразу спросят: «А вы-то что предлагаете? И не предлагаете ли вы часом какой-нибудь новодел? Вот у нацистов есть традиция... Она же миф... Не зря Розенберг говорил о мифе XX столетия. И не он один говорил об этом, не правда ли? А вам и позитивизм, который вы именуете широчайшим, противен, и миф... Дайте правильное имя тому, что вам дорого, и укажите, в чем тут традиция. А то все говорите о правильных именах и базарах, на которых их надо постоянно производить, а в главном для вас вопросе уходите от того, что сами называете правильным именем».

Сказав о гносеологической науке, для которой важно только истинное, а там хоть трава не расти, мы сразу получаем возможность противопоставить ей другую науку, назвав эту науку сотериологической (сотериология — наука о спасении).

Если не использовать иноземных слов, то можно говорить о науке лишь постигающей и науке постигающей и спасающей. Но это то же самое, что сказать о науке гносеологической и сотериологической.

Сотериологическая наука всегда была и всегда находилась в тени науки гносеологической. Из этой тени ей предстоит выйти в XXI веке. Причем только потому, что наука гносеологическая явным образом превращается в убийцу человечества. Но от чего хотела спасти человечество сотериологическая наука? На разных этапах истории от разного. Например, в XX веке велся очень страстный разговор о фатальности второго закона термодинамики. Мол, если этот закон носит неумолимый характер, то Вселенная должна постепенно остывать. Ее немногочисленные горячие участки должны, обмениваясь теплом с бесконечным вселенским холодом, терять тепло. А значит, жизнь должна погибнуть в тисках нарастающего вселенского холода. Потом прекратились разговоры о неумолимости второго закона термодинамики. Мир оказался намного сложнее. Но на определенном этапе они велись невероятно страстно. И вот тогда было сказано представителями сотериологической науки, что если Вселенная будет остывать, и потому будет гибнуть жизнь, то Вселенную надо согреть. И в этом космическая миссия человечества. Надо собрать гигантское количество взрывчатки, всю ее взорвать, создав новый огромный раскаленный очаг. И даже если человечество, содеяв это, погибнет — что ж, оно откроет пути для жизни. А значит, и нового человечества.

Мы здесь не будем обсуждать степень безупречности данного утверждения. Мы приводим его как пример, говорящий о существовании сотериологического подхода в рамках науки. И это ведь не единственный пример. Говорилось и о зажигании нового солнца взамен солнца, которое должно погаснуть. И о вещах гораздо более масштабных. Это под конец жизни Стругацкие исписались до полных пошлостей. А в начале они заигрывали с коммунизмом, причем открыто. И в рамках этого заигрывания затрагивалась научная сотериологическая тема, гораздо

Василий Верещагин (1842-1904). Пусть войдут! (фрагмент) 1871 год. С сайта runivers.ru

более масштабная, нежели тема второго закона термодинамики.

Речь шла о расширяющейся и схлопывающейся Вселенной. Мол, если большой взрыв породил Вселенную, то когда-нибудь, через несколько миллиардов лет, расширение Вселенной прекратится, и она начнет схлопываться. А значит, человечество погибнет. Кстати, если Вселенная все время будет расширяться, то человечество тоже погибнет. Так что же делать?

В своем раннем произведении «За миллиард лет до конца света» Стругацкие ответили по-коммунистически, по-марксистски. Мол, надо бороться. Надо постигать закономерности и, постигая их — спасать человечество. В этом миссия науки. Герой Стругацких борется за постижение закономерностей, сталкивается с сопротивлением такому постижению, проявляет стойкость в этой борьбе... Стругацкие вызвали восторг советских мальчишек подобными построениями. А потом сделали свое подлое дело, как это и подобает «тамошним».

Но дело не в «тамошних» и не в подлом деле, а в том, что именно вызывало у советских мальчишек такой восторг. И ясно по прошествии времени, что этот восторг вызвала апелляция к сотериологической науке как антитезе науке гносеологической. И в каком-то смысле сотериологическая наука и есть подлинный коммунизм. Потому что если у науки есть сотериологическая функция, то она может выполнить культуuroобразующую роль. Причем не фашистскую, а диаметрально противоположную. Она тогда преодолевает дифференциацию на гносеологию, этику и эстетику. И не возвращает мир к мифу, как предлагали фашисты, а ведет его вперед. К этой самой новой научности — сотериологической. А также интегральной. Потому что, преодолев главную дифференциацию между гносеологией, этикой и эстетикой, новая наука начнет преодолевать и все остальные дифференциации, угрожающие человечеству неминуемой гибелью.

Кто-то возмутится: «Что еще за чушь?» А давайте посмотрим в происходящее. Имморализация науки налицо. Ученые плюют

на мораль все в большей и большей степени, заявляя: «Причем тут мораль? Нас как профессионалов это не интересует». Но разве имморализация не является неизбежной в условиях, когда наука теряет сотериологическое содержание? Конечно, она является неизбежной. Можно рассчитывать на то, что где-то вне науки возникнет источник морали, но нельзя ли полюбопытствовать, где же именно? Абсолютный и всеобъемлющий авторитет религии в прошлом. Позитивистская мораль (мол, я морален потому, что морален — и точка) тоже в прошлом. Она уходит в небытие вместе с Модерном.

Так где же искать мораль? В искусстве? Какое? Постмодернистское? Достоевский говорил, что красота спасет мир. Но он другую красоту имел в виду, между прочим. Не эстетическую, а «всеединую», так сказать.

Конечно, восстановив сотериологическую функцию, наука войдет в новые отношения с культурой и в этом смысле может создать и новую красоту. Но для этого она должна взять на себя культуuroобразующую функцию. Потому что больше некому. А если вы скажете, что культура должна взять наукообразующую функцию, то... То, во-первых, это, по сути, то же самое. А во-вторых, никаких очевидных проявлений чего-либо подобного в мире нет. О сотериологической науке говорить можно. А о культуре, достраивающей себя до преодоления дифференциации между гносеологией, этикой и эстетикой, говорить пока не приходится. Нет такого масштабного, всечеловечески значимого явления. Нет его даже в зародыше. Ибо для того, чтобы быть зародышем чего-то масштабного, всечеловечески значимого — нужно уже быть не точкой, а о-го-го каким сгустком.

Ну так вот, на сегодня самый крупный сгусток чего-то, крайне необходимого человечеству, является сотериологическая наука. И если человечество войдет в новую фазу, то лишь построив этот имеющийся сгусток до ядра нового исторического проекта.

Поскольку сотериологическая наука — это и есть коммунизм, то и новый исторический проект будет коммунистическим. Но поскольку прежний коммунизм не поста-

вил во главу угла сотериологическую науку, то речь идет о новом коммунизме. То есть о коммунизме 2.0. Такой новый коммунизм и есть Сверхмодерн. Никакой разницы между коммунизмом 2.0 и Сверхмодерном нет.

Сотериологическая наука и служение человеку и человечеству как источнику беспредельного, бесконечного восхождения — вот что такое коммунизм 2.0, он же Сверхмодерн. И все это есть у Маркса. И у коммунистов тоже. У марксистов этого нет. И у зюгановцев (что, надеюсь, всем понятно до боли). А у настоящих коммунистов и Маркса это есть. И если брать крупному, то ничего, кроме этого, и нет.

Это и есть Красная Весна. Это и есть коммунизм как раскрепощение и пробуждение в каждом человеке высших творческих способностей. Не произойдет этого раскрепощения и пробуждения без сотериологической науки и проекта, на нее опирающегося.

Все это прекрасно понимали и Поппер, и фон Хайек, и другие. За это они ненавидели Маркса. И называли они это «преступным введением ценностей в науку». Для них это преступное введение ценностей в науку. А для нас — спасительное.

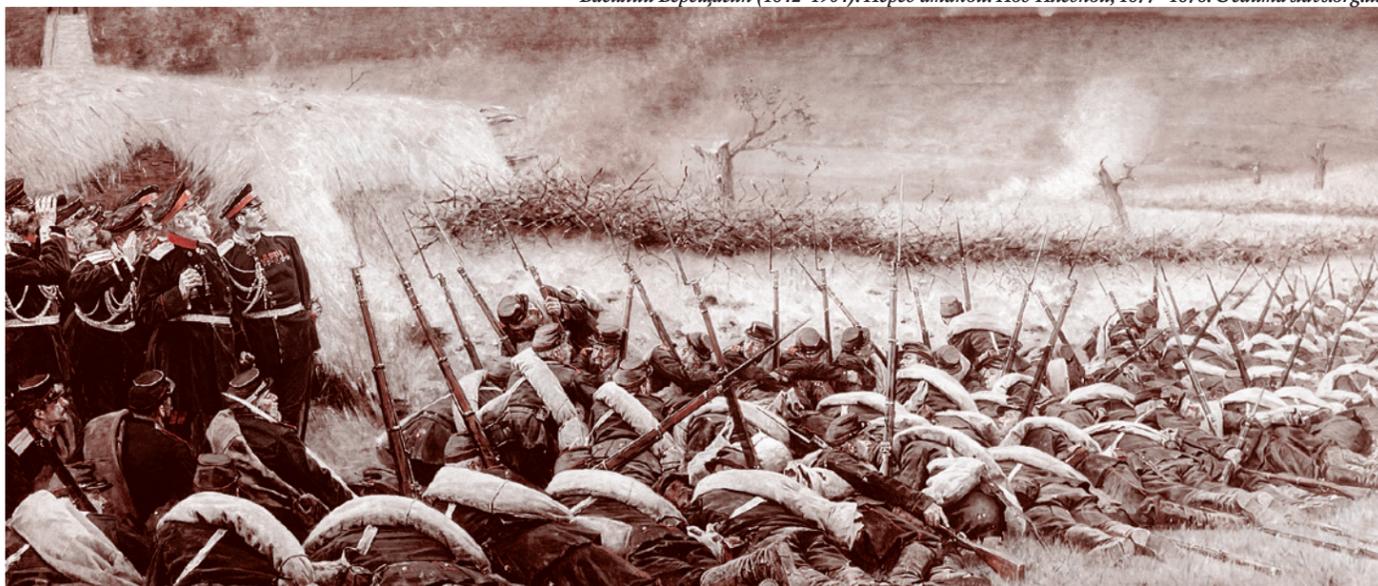
Но то, что Маркс ввел ценности в науку, — несомненно. И то, что он собственную науку понимал как сотериологию, — это тоже несомненно. И то, что русские приняли Маркса за это, тоже несомненно. Как несомненно и то, почему они его за это приняли. Потому что это было созвучно их тысячелетним мечтаниям о целостности. Русская миссия в том, чтобы принести целостность и подарить ее человечеству. Это спасительный для человечества дар. И принести его в мир могут только русские в силу определенных их способностей, сформированных за тысячелетия. Они страшно дорого заплатили за это. Они лишили себя очень и очень многого. Но принесли огромные жертвы, они сформировали в себе эту способность.

Замысел по уничтожению русских созрел у тех, кто не хочет, чтобы русские подарили человечеству целостность. Врагу не нужно это. Или, точнее, это не нужно абсолютному врагу, врагу метафизическому. Уничтожая Россию, враг этот насыляет на Россию самые разные свои порождения, одержимые разными чувствами — жадностью, мстительностью и мало ли еще чем. Но во главе такого многоликого воинства стоит враг, который хочет, чтобы человечество не получило никогда дар под названием целостность. И не перешло на новый уровень, а напротив, низвергло в бездну.

III.

Вот что ныне лежит на весах и что совершается ныне. Не ощутив это с предельной остротой и отчетливостью, невозможно вести политическую войну. Или, точнее, русской душе вести эту войну невыносимо скучно и отвратительно. И иногда ей начинает казаться, что лучше послать все к такой-то матери, чем разбираться в бесконечных хитросплетениях той пакостности, на которой основаны войны против России вообще и политическая война в особенности.

Продолжение статьи — на стр. 4.

Василий Верещагин (1842-1904). Перед атакой. Под Плевной, 1877-1878. С сайта slavs.org.ua

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение статьи — со стр. 3.

Именно по этой причине я считаю необходимым ввести в обзор политической войны такое длинное отступление. В противном случае кое-кто начнет рассуждать, как грузин из старого советского анекдота: «Слушай, дорогой, кому такая жизнь нужна? Возьми, пожалуйста!» Мол, если для того, чтобы отстоять жизнь, нужно погружаться в рассмотрение невероятных пакостей, — то кому такая жизнь нужна? В чем ее, так сказать, абсолютное содержание? И есть ли оно?

Есть оно, друзья, есть. И враг это прекрасно понимает. Потому-то все и пытается утопить в пакостях. И потому-то мы и должны — во имя этого высокого и прекрасного содержания — разбираться в кознях врага. Но ни в коем случае не сводить все к подобному разбирательству. Мы ежедневно, ежесекундно должны помнить о том высоком и прекрасном, наличие чего отличает нас от врага и дает нам шанс на победу. А также позволять нам черпать силы из источников, для врага неведомых и врагу недоступных.

А потому разговор о Марксе и всё то, что из этого разговора следует, я считаю абсолютно необходимым — не только в качестве отдельного разговора о метафизических войнах, но и в качестве всеохватывающего и всеобъемлющего разговора о войне. Потому что только приобщение к высочайшему смыслу (он же метафизика) порождает идеалы. Только идеалы порождают цели. Только цели порождают смыслы. Только смыслы создают язык и коммуникацию. Только коммуникация обеспечивает сплоченность. Только сплоченность создает альтернативу всевластию врага. И так далее.

Не будет предельного, то бишь предельно высокого — мы не победим никогда. Причем это предельное должно быть для нас актуальным. Из него мы реально должны черпать силы. На него мы должны опираться в своей обычной и чрезвычайной мобилизации.

IV.

Оговорив все это и осуществив сопряжение всего этого с Марксом, я все не утверждаю тем самым, что у Маркса можно найти все необходимые ответы на все вопросы современности. Это, безусловно, не так. Подлинное величие Маркса в том, что он создавал гносеологическое обществоведение. А также в том, что вменял ему активный подход. Тот самый практический подход, который не имеет ни малейшего отношения к практике в ее приземленном нынешнем понимании. Маркс был человеком светским. Но для него в каком-то — метафорическом, разумеется — смысле слова образцом практики была деятельность Господа Бога, сотворяющего мир. Вот он и говорил ученым, переводя обществоведение на сотериологические рельсы: «Ну, что вы все познаете и познаете! Надо творить! Конечно же, творить надо на основе знания. Но нельзя же сводить функцию знания к познанию. Функция знания — творчество, то есть активность. И в этом смысле — практика».

В таком активном подходе Маркса для нас есть огромная ценность постольку, поскольку этот подход является не только общенаучным, но и конкретно аналитическим.

Заявив об этом, я начинаю возвращать читателя к конкретным проблемам политической войны, ведущейся против России. Да и против нашего движения. Ведь именно исследуя то, как воюют против нас, мы наиболее целостно, одновременно интеллектуально и чувственно, можем понять, что такое политическая война. Совместив это понимание с участием в оной.

Ну, так вот... Активный подход Маркса в применении к аналитике сводится к следующему.

Предположим, что вы хотите понять структуру и природу чего-то, во что вы не можете непосредственно вторгнуться. Ну, например, вы хотите понять природу и структуру каких-нибудь подземных залежей. И вы почему-то не можете добуриться скважиной до этих залежей. Тогда вы начинаете измерять разного рода эффекты, которые эти залежи порождают на поверхности — какие-нибудь магнитные, электрические и прочие поля. Измеряя эти поля, вы хотите узнать побольше о структуре и о природе залежей. Именно этим занимается геофизика. И не она одна. Речь вообще идет о решении так называемой обратной задачи. Объект посылает нам сигналы. Мы их измеряем. И по измерен-

ным сигналам пытаемся что-то понять в природе и структуре объекта.

Тут что работа геофизика, что работа следователя, который по сигналам (следам преступления) пытается оценить объект (мотивы преступника, личность преступника и так далее). Все то же самое касается и других исследований, не имеющих никакого отношения ни к геофизике, ни к следственным мероприятиям. Как только у вас есть объект, который подает сигналы, и вы ставите перед собой задачу восстановления структуры и природы объекта по этим сигналам, вы занимаетесь аналитикой. Тем самым любой аналитик занимается решением той или иной обратной задачи.

Аналитика — это совокупность методов (как количественных, так и качественных), позволяющих решать разного рода обратные задачи.

Обратные задачи всегда являются некорректно поставленными. То есть в принципе всегда возможно существование двух разных по природе и структуре объектов, выдающих вам одни и те же сигналы.

Поэтому пассивная аналитика — то есть аналитика, которая только интерпретирует сигналы, подаваемые вам объектом, — при всей ее необходимости категорически недостаточна. Объект должен быть лишен способности выдавать вам те сигналы, которые он хочет выдавать. Вы должны заставить объект выдавать вам те сигналы, которые вам нужны. То есть активно воздействовать на объект. Если вы замеряете, к примеру, магнитное или электрическое поле, создаваемое самим объектом, то вы пассивно исследуете объект. А если вы посылаете в объект мощные магнитные и электрические импульсы, то вы заставляете объект откликаться. Вы вскрываете, взрываете объект. Побуждаете его к раскрытию и узнаете о нем гораздо больше. Чем мощнее и болезненнее для объекта ваши импульсы, тем сильнее он раскрывается.

Тут впрямую говорить о допросах, о следственных экспериментах, о специально организуемых ловушках. Потому что, повторяю, аналитика очень многолика. Она может носить и гуманитарный, и естественнонаучный характер. Она может пользоваться совершенно разными методами.

Для меня крайне важно, чтобы читатель понял, чем пассивная аналитика (она же аналитика наблюдения) отличается от активной аналитики (она же аналитика воздействия). Когда мне очень важно, чтобы читатель понял нечто весьма сложное, но абсолютно необходимое для него (точнее даже, для его дальнейшей деятельности, то бишь участия в военных действиях), — я использую анекдоты как поясняющие метафоры. В данном случае расскажу читателю такой анекдот.

Полковник пьет чай и говорит денщику, который принес ему самовар: «Неси сюда кота». Денщик приносит кота. Полковник приказывает денщику, чтобы тот ткнул кота за гениталии. Денщик исполняет приказ. Кот истошно орет. Полковник меланхолично констатирует: «Очень они этого не любят».

Что сделал полковник? Он осуществил активное воздействие на кота. Без этого воздействия кот не раскрылся бы нужным образом. Он бы мурлыкал себе и мурлыкал. И вы бы все говорили, что это киса, киса! А когда вы оказали активное воздействие, кот взбесился. Вы увидели не кису-муру, а совсем другое существо. И — постигли природу объекта с помощью активного на него воздействия.

Ровно такой метод я использовал в передачах «Суд времени» и «Исторический процесс». Потому что нужно было не просто победить противника, предъявив ему определенную аргументацию. Нужно было еще и обеспечить самораскрытие противника. Снять с него те или иные маски. Превратить кису-муру в волящего яростного кота. И тем самым раскрыть обществу природу данного кота во всей ее полноте.

Конечно же, я считаю оскорбительным для любого кота сравнение его со Сванидзе и Млечиним. Потому что кот — это существо благородное, тонкое и в каком-то смысле высокоморальное. В каком-то смысле — это значит по сравнению со Сванидзе и Млечиним. А также прочими «тамошними». Поэтому я прошу прощения у всех котов, живущих на планете Земля, за это оскорбительное для них сопоставление и надеюсь, что коты меня простят. И кошки тоже. Потому что сравнить

сколь угодно надрывно визжащую драную кошку с госпожой Лариной или госпожой Петровской — это значит оскорбить кошку. Но поскольку я веду войну против врага человечества, а враг человечества, по определению, является одновременно и врагом горячо любимых мною кошек, собак и природы в целом, то пусть глубоко уважаемые мною животные простят меня. Осознав, что война ведется и во имя их защиты от врага человечества.

V.

Истошные визги после Поклонной горы и после Колонного зала порождены нашими активными воздействиями. И потому являются бесценными не только с политической, но и с аналитической точки зрения.

С политической точки зрения они являются бесценными потому, что дали возможность решить определенные задачи. А с аналитической точки зрения они являются бесценными потому, что позволяют активным образом раскрыть структуру и природу объекта под названием «враг».

Да-да, объекта! Я не противоречу себе, называя в данном случае врага объектом. Я много раз настойчиво говорил о том, что объекты существуют только в естественных науках. Мол, исследуемый камень является объектом потому, что он не знает ни о том, что его исследуют, ни о том, как именно его исследуют. А исследуемый человек объектом не является. Потому что он знает, что его исследуют. Может догадаться, как именно его исследуют, и сознательно исказить посылаемые сигналы, обманывая исследователя.

То есть наука как субъект-объектное взаимодействие (исследователь — субъект, исследуемое — объект) возможна лишь там, где объект лишен разума. А там, где объект наделен разумом, он уже не является объектом, а является субъектом. И субъект-объектное взаимодействие превращается в субъект-субъектное взаимодействие. Какое является уже не наукой, а игрой. Игра намного сложнее науки, неоднократно говорил я, ссылаясь на военные игры, в которых противники друг друга обманывают, на игры спецслужб, финансовые игры и так далее.

Так как же я теперь могу говорить об активном исследовании объекта, вовлекая вдобавок в столь серьезный разговор какие-то анекдоты?

Но ведь я сказал читателю, что субъект-объектный метод возможен тогда, когда объект лишен разума. Обезумевший человек лишен разума, и в этом смысле его можно считать объектом именно в той степени, в какой он лишен этого самого разума.

В ходе вышеназванных телевизионных передач я неоднократно лишал разума дражайших собеседников. Лишенный разума Млечин мог начать говорить, что в 70-е годы XX века его столичные друзья, вместе с которыми он обучался в элитном московском вузе, ели только картошку, пухли, были зелеными, страдали от голода, шатались аки бледные тени и так далее.

Для того чтобы начать это утверждать, нужно было сначала потерять разум и превратиться в объект. Но ведь не сам же Млечин терял разум? — этак, знаете ли, брал его и терял, как кошелек или мобильный телефон. Млечин терял разум в результате определенных воздействий. Воздействия, в результате которых разумное существо теряет разум, называют шоковыми.

VI.

Разумное существо, подвергнутое шоковому воздействию, не способно к имитациям. С него слетают все социальные маски. Оно теряет способность просчитывать шаги, анализировать эффект, порождаемый его словами. Оно теряет аналитическую способность вообще. И уподобляется тому самому коту из анекдота, которому я уже принес извинения за это уподобление.

В итоге мы получаем ценнейший экспериментальный — аналитический и политический — материал. Аналитический позволяет нам выявить структуру и природу объекта под названием враг. И не надо обольщаться. Очень быстро враг придет в себя и превратится из объекта в субъект. Так что пользуйтесь коротким моментом, в ходе которого у врага отнята способность к имитациям, надеванию масок, ведению рефлексивной игры. Тем моментом, в ходе которого враг будет

раскрывать свою сокровенную природу. Поняв ее, вы можете открыть новые источники, из которых можно черпать силу для ведения войны. Вы можете точнее вести войну. Вы можете иначе консолидироваться. И вы можете доказать все большему количеству людей, что против них ведется война. А также объяснить, какая именно ведется война. И почему они, коль скоро ведется именно такая война, уклониться от участия в войне не имеют права.

Кто-то, наверное, скажет, что объективировать субъект, оказывая на него шоковое воздействие, — значит проявлять жестокость. Что Ларина, например, это тоже человек. И с моей стороны крайне негуманно подвергать ее шоковому воздействию в виде внимательного прослушивания того моего доклада, который я произнес в Колонном зале 9 февраля 2013 года. И что то же самое касается других многочисленных ларинных, приведенных этим докладом в состояние, по отношению к которому визг кота из анекдота — это меланхолическое, напрочь лишенное темперамента размышление... ну, я не знаю... какого-нибудь Швыдкого, пытающегося изобразить из себя хладнокровнейшего поборника высочайших культурных норм.

Согласен, что введение категории «эксперимент» во все, что касается бытия представителей хомо сапиенс, недопустимо. Что все, включая Ларину, Белковского, Латынину и т.д., имеют право на статус хомо сапиенс. А значит, должны быть защищены от экспериментов вообще и моих шоковых экспериментов, в частности. Но они-то все считают себя прогрессорами и в силу этого настаивают на своем праве проведения экспериментов на данной территории. Восхищенно говорят об экспериментах Гайдара, о незавершенности в России либерального эксперимента. И много еще о чем.

Когда вам в физиономию летит камень, а вы его отражаете, и этот камень отскакивает в физиономию того, кто в вас его запустил, — вы ведь не совершаете ничего греховного, не правда ли? Вот так же и я, отражая расчеловечивающую экспансию и производя этим шоковое воздействие, никого не расчеловечиваю. Я слежу за результатом осуществленного мною отражения чужих разрушительных воздействий на все то, что мне дорого. И постигая природу разрушителя, природу, которую этот разрушитель в иных ситуациях скрывал, а в данном случае обнажает, я убеждаюсь в необходимости вести войну. Уточняя, как именно надо ее вести. И убеждаясь сам в необходимости ведения войны, я в этом убеждаю других. Что, между прочим, означает, что я веду войну, а не прячусь в башне из слоновой кости.

VII.

Оговорив все это, я предлагаю читателю следующее.

Осознайте, что вы ведете войну, отстаивая наимасштабнейшие и наиболее благороднейшие ценности. Прикоснитесь к этим ценностям. Зарядитесь от них позитивной энергией. Возлюбите их по-настоящему.

Осознайте, что если вы не будете воевать с врагом, то враг эти ценности уничтожит. Соорудите из этого осознания что-то наподобие скафандра. Наденьте этот скафандр на себя. И спуститесь вместе со мной с горы этого высокого осознания в зловонное болото, где шипят змеи, разбуженные нашими воздействиями. Отследите реакции этих змей, их телодвижения. Измерьте степень их ядовитой двусмысленности. Внимательнейшим образом изучите, как именно они ведут себя в подобных ситуациях. Спрогнозируйте на этой основе их дальнейшие действия. И, вооружившись всем этим, вооружите этим других. Сплотите их вокруг себя. Добейтесь, чтобы они осознали подлинную природу происходящего. И подготовьтесь к новым сражениям с очень сильным, очень коварным, но отнюдь не всемогущим врагом.

Пока что мы всего лишь разработали такой сценарий нашего поведения, соорудили скафандры и приготовились к нисхождению в болото, кишаче разбуженными змеями, беспредельно взбешенными тем, что именно мы с вами осуществили в Колонном зале.

В следующем номере газеты я спущусь вместе с читателем в болото. И мы вместе будем добывать крайне важную информацию.

Сергей Кургинян

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Принципиальная новизна постклассической эпохи состоит в том, что в «новых войнах» экономические, идеологические, концептуальные и т. п. средства ведения борьбы используются иногда вообще без применения вооруженных сил

Еще раз о сути экономических войн

Беспощадная, зловещая новизна XXI века не укладывается в сознании очень и очень многих. Порою даже тех, кто решил встать под наши знамена. Всем, кто отторгает эту зловещую новизну, надо бы перечитать толстовского «Холстомера». Коня хотят зарезать. К нему подходит живодер. А конь в свойственном ему ключе рассуждает: «Наверное, лечить будут».

Разница между экономической войной и экономической конкуренцией ровно такая же, как между пришествием живодера по душу этого самого Холстомера — и пришествием ветеринара. Ветеринар ведь иногда лечит больных животных очень жестоко. Но он их лечит. А живодер может перед тем, как убить, даже ласково потрепать по холке.

Конкуренция бывает очень жестокой. Конкурентов разоряют, выбрасывают с рынков. Проигравшие конкуренты сходят с ума, кончают самоубийством. Но это все — не та страшная, зловещая новизна, с которой мы сейчас сталкиваемся. Это другой — классический, а не постклассический — мир. Знакомый нам по фильмам и книгам. По всем этим Драйзерам, Джекам Лондонам и так далее.

Не желая признать жестокою новизну в том, что касается экономических войн, защищаясь от этой новизны, многие защищаются и от другой новизны, связанной с наличием разного рода войн. С возможностью врага уничтожить государство и народ, удрав почти невидимыми способами по почти неощутимым точкам. Поразительно, что эту новизну отторгают люди, с невероятной силой переживающие крах СССР. Люди, которые ведь точно знают, что ни один самолет не взлетел, ни один танк не выехал из ангара — а страны не стало.

Пытаясь осмыслить для себя это «не стало», разместить его в своем сознании, люди подбирают объяснения, сообразные существующим у них матрицам. Матрицам, унаследованным из классического советского периода.

Они не понимают того, что эти матрицы уже сильно искорежены врагом, применившим против них излучение, по разрушительной силе вполне сходное с рентгеновским.

Они не понимают также, что зловещая новизна не может разместиться даже в неповрежденной матрице их классического сознания.

И, наконец, они боятся, что если эту новизну начать вписывать в их классические матрицы, то она поломает матрицы, которые они берегут. С чем тогда они останутся?

Они боятся этого оправданно. Нельзя просто вписывать новое содержание в прежние матрицы. Надо постепенно воздействовать на старые матрицы так, чтобы дозированная новизна содержания постепенно меняла матрицы. А в измененные матрицы могло входить больше и больше нового содержания. Чем больше его войдет, тем сильнее будут меняться матрицы. Чем больше будут меняться матрицы, тем больше может в них войти нового содержания. Новое содержание — матрица-штрих. Матрица-штрих — еще более новое содержание, оно же содержание-два штриха. И так далее. Модифицированный вариант знаменитых формул Маркса.

Только на это мы можем рассчитывать в нынешней ситуации.

Досужие рассуждения по поводу того, что границы между видами войн так же подвижны, как границы между войной и конкуренцией, предлагаю выбросить в мусорный ящик. И заняться делом — то есть размещением в своем сознании нового содержания и мягкой трансформацией сознания с тем, чтобы оно не рухнуло, а стало сообразным этому содержанию.

Враг не верит в то, что мы это осуществим. Потому что мы взыскуем таких трансформаций ума и души, которые порой осуществляли на уровне малых групп, но никогда в короткие периоды не осуществляли в масштабах общества или в масштабах круп-

ных социальных групп, входящих в это самое общество. Но нам ничего другого не остается. Враг загнал нас в «Зону Ч», и мы можем выбраться из нее только так.

Что же касается того, что границы размыты, то они всегда размыты. В мире нет четких границ. Они существуют только на бумаге. Да и то — раз есть перо, проводящее линии, то есть и размытость границ. Даже в классическом мире граница — это не линия, а узкая полоса.

А в мире квантовом, например, все границы превращаются в причудливые диффузные полосы, облака и тому подобное. Но необходимость разграничивать по-новому не означает отсутствие разграничения как такового.

Итак, еще раз о разграничениях.

Принципиальное отличие экономической войны от конкуренции заключается в том, что экономическая конкуренция ведется в рамках правил, строго определенных национальными законами и международными соглашениями (конвенциями).

Непримиримо и беспощадно конкурировать с соперниками на внутреннем или мировом рынке по цене, качеству, ассортименту, потребительской привлекательности продукции или услуг — законно. А если к перечню законных способов конкуренции добавляются экономический шпионаж... или взятки чиновникам, принимающим экономические решения... или злонамеренная дезинформация таких чиновников насчет последствий этих решений... или шантаж власти угрозами безопасности страны, социальных групп, лично представителей власти... или теракты и диверсии, и т. д. — то это уже экономическая война.

О шпионаже и диверсиях я уже говорил в связи с энергетическими войнами. Но бывает и иначе.

Например, предложения правительству Египта закупать зерно у США, Канады, России или Казахстана, где каждый из продавцов называет наиболее выгодные условия своих контрактов, — это конкуренция. А приватные переговоры, в которых правительству Египта объясняют, что если оно решит покупать российское или казахстанское зерно, то не получит транш кредита МВФ для его оплаты, и в стране начнутся голодные бунты, — это уже экономическая война.

Соперничество внешних компаний за консультационные услуги корпорациям и правительствам по выбору экономической стратегии, повышающей эффективность национальной экономики или ее определенных отраслей, — это конкуренция. А предоставление таких «консультационных услуг», которые приводят к разрушению и деградации национального хозяйства или его попаданию в разного рода «ловушки стагнации», — это экономическая война.

Но экономика — это сложная подсистема общества и государства. У экономики есть и собственная системная связность, и собственные подсистемы. Значит, системная война с экономикой должна — опять-таки, системно — включать в себя различные «военно-экономические» механизмы и инструменты, адресованные разным подсистемам экономики.

Отсюда следует, что анализ экономических войн должен начинаться с рассмотренной (по необходимости краткого) хозяйственно-экономической системности.

Любая хозяйственно-экономическая система включает реализацию таких функций, как

- производство;
- распределение;
- обмен;
- потребление.

Все это было еще в эпоху родовых и родоплеменных общин.

Накопать съедобных корней, добыть обломки кремня и сделать из них рубила, топоры, скребки, наконечники копий, наловить рыбы и сделать из ее костей иглы, убить

пещерного медведя и обустроить для своего рода его пещеру, сделать лежанки и одежду из его шкуры и амулеты из его клыков — это производство.

Разделить полученную еду, одежду, орудия труда между воинами, женщинами, детьми, стариками — это распределение.

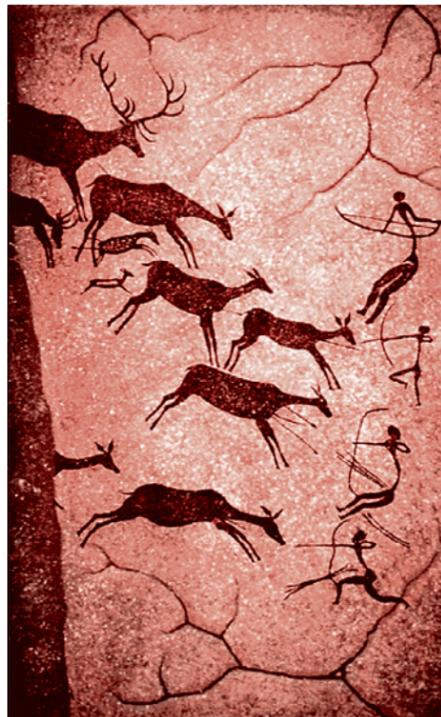
Договориться с соседним родом о том, чтобы за охру для ритуальной раскраски воинов получать от него обломки хорошего прочного кремня — это обмен.

Использовать произведенное (добытое, сделанное) и обмененное для выживания и роста рода — это потребление.

А если соседний род кремня в обмен на охру не отдает, а без кремня не накопать нужных корней и не обеспечить удачной охоты? Тогда можно попытаться кремни украсть или отнять силой. И это уже первая — в том числе, экономическая — война.

С той древней эпохи человеческие сообщества проходили длинный путь хозяйственно-экономического развития.

Сначала — до натурального (традиционного) хозяйства, в котором почти все необходимое для жизни рода/племени производилось, распределялось, обменивалось и потреблялось в рамках общины, и лишь незначительная часть приобреталась за счет межобщинного натурального (как сейчас говорят, «бартерного») или денежного обмена. И где уже была, наряду с общественной собственностью, и частная собственность.

Наскальная живопись эпохи мезолита. Пещера Ласко, Франция

Затем хозяйственно-экономическое обеспечение общества развивалось до городских/государственных систем. Которые были устроены, в современных терминах, «административно-командно», но с профессионально-кастовой специализацией населения (рабы, свободные земледельцы, ремесленники, торговцы/купцы, госслужащие, жрецы и т. д.). И где одновременно была и частная собственность (в том числе, на орудия труда), и товарное (то есть, не только для себя, но еще на обмен и продажу) производство предметов потребления и услуг.

Такой была, например, хозяйственная система Древнего Египта с ее преобладанием государственного накопления и распределения ключевых (трудовых, продовольственных и т. д. ресурсов). Вспомним в связи с этим, в частности, библейский сюжет о «семи годах тучных коров», во время которых изобильные урожаи зерна копились в фараоновых закромах, и «семи годах тощих коров», во время которых выживание народа и государства обеспечивалось централизованными раздачами хлеба.

А одновременно в том же Древнем Египте были частная собственность, налоговая система, рынки и торговые (натуральные и денежные) обмены. Включая внешнюю торговлю со странами Ближнего Востока, Африканского Рога и даже Передней Азии. И были внешние вооруженные (собственно военные) и военно-экономические конфликты.

Но примерно такими же были (разумеется, со своей спецификой) и хозяйственно-экономические системы древних Вавилона, Ассирии, Китая, Индии.

Не буду здесь описывать дальнейшее развитие хозяйственно-экономических систем (на эту тему есть немало хороших книг). Укажу лишь, что из рассмотренных выше «корней» в итоге выросли и административно-плановые экономики, и либерально-рыночные экономики с преобладанием частной собственности, и так называемые «смешанные» экономики со сложным взаимодействием государственной и частной собственности и, соответственно, рынка и плана.

И отсюда же выросла и современная глобальная экономика с ее системой межгосударственной торговли товарами и услугами, глобальной финансовой системой и множеством взаимосвязанных подсистем производства, распределения, обмена и потребления.

В условиях такой сложности национального и мирового хозяйства любая экономическая война не может не являться — просто по факту системности хозяйственно-экономической деятельности — частью взаимосвязанных, многоплановых и многоактурных военных действий.

Но принципиальная новизна постклассической эпохи состоит в том, что в «новых войнах» экономические, идеологические, информационно-психологические, концептуальные и т. д. средства ведения борьбы используются не только системно, но иногда вообще без применения вооруженных сил.

При этом военно-экономические действия противника могут адресоваться разным подсистемам хозяйственно-экономической системы противника. Экономическую войну могут вести в целях подрыва финансовой системы (финансовые и валютные войны). Или в целях подрыва сырьевого базиса (ресурсно-сырьевые, в том числе энергетические, войны). Или в целях подрыва потенциала экспорта и импорта (торговые и тарифные войны). Или в целях подрыва технологического уровня и массовой квалификации кадров объекта войны (научно-технологические и образовательные войны), и т. д.

А еще могут вести все эти типы экономических войн одновременно.

А еще есть и такой тип экономических войн, целью которого является «смысловая перевербовка» широких масс страны-объекта войны и ее управляющего класса. Такая перевербовка, чтобы управляющий класс поверил в искренность и правильность экономических рекомендаций врага. И (добровольно и самостоятельно!) применил такие — убийственные — стратегии экономического управления, которые парализуют экономику, создают в стране-жертве кризисные социально-экономические и политические ситуации, и препятствуют выходу из кризиса.

Но подобные сложные «смысло-экономические» войны мы обсудим позже. А начнем с самого, видимо, древнего типа экономических войн — торговых войн. И постараемся проанализировать их наиболее существенные современные трансформации и результаты.

Об этом — в следующей статье.

Юрий Бялый

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Формула «коммунизм — самая настоящая новая религия» легла в основание одного из ключевых направлений информационно-психологической войны против СССР

Сокрушение Красной Церкви

Успешность информационно-психологической войны во многом зависит от того, насколько точно враг понимает вашу природу. Он не может рассчитывать на победу, не определив, что вы собой представляете. И не выбрав метод борьбы соответственно поставленному диагнозу.

В предыдущей статье мы познакомились с представлением Константина Мельника о том, что такое коммунизм. Напомним, Мельник — человек, посвятивший всю свою жизнь «крестовому походу» против СССР, — утверждает, что коммунизм — это новая религия. И что в коммунизме ничего нельзя понять, если рассматривать его только как идеологию.

Если бы такого представления придерживался отдельный представитель белоэмигрантской среды, тема не заслуживала бы внимания. Однако Мельник прямо говорит, что впервые услышал о религиозной природе коммунизма от князя Сергея Оболенского — французского иезуита русского происхождения, занимавшего видное положение в ватиканской организации «Руссикум». Именно Оболенский привлек двадцатилетнего Мельника к работе в сформированной «Руссикумом» группе, которую сам Мельник называл «чем-то вроде русского отдела ватиканской разведки». Какие задачи решал Ватикан с помощью этой небольшой группы? В частности, «пытался постичь суть коммунизма, который был врагом католической церкви».

Оболенский учил своего юного коллегу аналитическому, не замутненному ненавистью взгляду на предмет, суть которого предстояло постичь. Усвоил ли ученик этот урок? До некоторой степени. Мельник утверждает, что его не зашкандило от ненависти к коммунизму и ко всему советскому, как многих эмигрантов. «К «гомо советикусу», как этому учил Сергей Оболенский, я относился как ученик...»

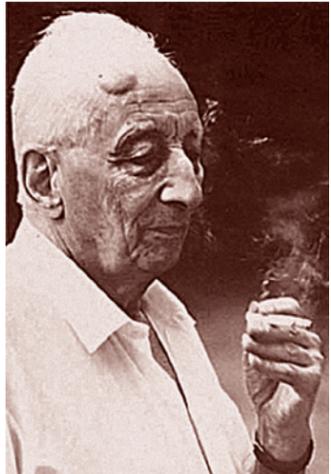
Что же анализировали «ученик» и его коллеги по «русскому отделу»? Нельзя отказать противнику в верном чутье: иезуитов интересовали истоки коммунизма, глубинная преемственность между СССР и досоветской Россией. Возможно, толчком к исследованиям в данном направлении послужила книга Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», вышедшая в 1938 году. (Она была опубликована на немецком — но для перешедших в католицизм высокообразованных представителей русской эмиграции калибра Сергея Оболенского знание нескольких иностранных языков было нормой.)

Такой подход был близок и Мельнику: «Я не разделял мнения наших несчастных эмигрантов, что Россия, дескать, ненавидит коммунизм, что тоталитарная система живет только благодаря КГБ. По-моему, существовали какие-то особые отношения между русским народом и коммунизмом».

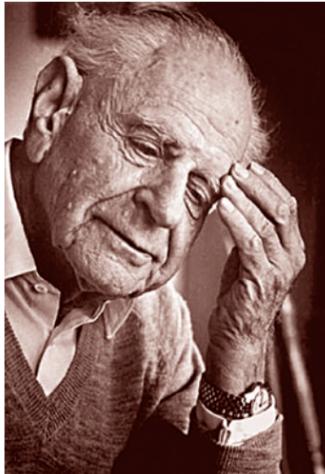
Странно, что догадавшись об «особых отношениях между русским народом и коммунизмом», Мельник не догадался, что если такие отношения существуют, то удар по коммунизму станет одновременно и ударом по русскому народу, «во благо» которого он вел антикоммунистическую борьбу. И только когда СССР исчез с карты мира, Мельник запоздало обнаружил, что дело, оказывается, было вовсе не в коммунизме. Что Запад ненавидит и боится Россию еще больше, чем ненавидел и боялся СССР! «Я мечтал, что когда рухнет коммунизм, Запад поможет новой России, как помогли Германии после разгрома фашизма. Запад не помог, не помогает России и не понимает ее... Боюсь, что она оказалась в изоляции...»

Но вернемся к эпохе, когда Мельник еще «спасает Россию от коммунистической напасти».

Формула «коммунизм — самая настоящая новая религия» легла в основание одного из ключевых направлений информационно-психологической войны против СССР. Но из этой формулы неизбежно вытекало, что борьбу с коммунизмом нужно вести соответственно его РЕЛИГИОЗНОЙ природе.

Князь Сергей Оболенский

Карл Поппер

Фридрих фон Хайек

Ханна Арент

То есть, задействовав накопленный человеческим опытом БОРЬБЫ С РЕЛИГИЕЙ.

Что это за опыт? Были ли применены против коммунизма широко известные формы борьбы с религией? Были ли применены какие-то новые технологии?

Начнем с очевидного.

Во-первых, известной формой борьбы с религией является прозелитизм, то есть стремление определенной церкви обратиться к иноверцам (в рассматриваемом случае — коммунистов) в свою веру. Рука об руку с прозелитизмом идет противодействие того, кто осуществляет прозелитизм, встречному прозелитизму со стороны представителей конфессии-конкурента (коммунизма). Таким, в общем-то, естественным для Церкви путем и пошел сначала Ватикан.

Во-вторых, в роли ниспровергателя религии зачастую выступает наука.

Ограничивалась ли борьба с коммунизмом как религией двумя этими направлениями? Ни в коем случае. Но для начала опишем именно их.

Если рассматривать ПЕРВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, то тут одновременно происходило несколько процессов.

1) **Католический прозелитизм на территории СССР.** В первые послереволюционные годы католики не оставляли надежды на то, что советская власть пойдет на плотное сотрудничество с Ватиканом. Либо не сумеет удержаться на плаву, что даст Ватикану шанс распространить свое влияние на территории бывшей Российской империи. Когда стало ясно, что коммунизм сам претендует на статус полноценной религии, а кроме того удерживает власть в стране, акцент был перенесен на подготовку католических священников — прежде всего, восточного обряда — для тайной работы на территории СССР.

2) **Католическое противодействие «коммунистическому прозелитизму» в странах Восточной Европы.** По словам Мельника, иезуиты из «Руссикума», считая увлечение восточноевропейцев коммунизмом после Второй мировой войны слишком опасным, организовали во всей Восточной Европе «настойщее подполье, что-то вроде религиозного Сопротивления. И они начали эту работу очень рано, в 1949 году... Они, конечно, думали, что если религиозное движение в странах Восточной Европы сохранится, то однажды это может привести к свержению советского строя в этих странах». Так, польской церкви «Руссикум» начал оказывать помощь сразу после войны, посылая и средства, и богослужебные книги. Польские события 1980-х годов, фактически положившие начало распаду социалистического блока, безусловно, можно считать следствием многолетних трудов Ватикана.

3) **Противодействие коммунизации католической Церкви за пределами соцлагеря.** Прежде всего, речь идет об Италии, где коммунистические идеи были горячо восприняты многими католиками. Возможность возникновения глубокого коммунистическо-католического сплава была достаточно высока. И потому Ватикан с облегчением и одобрением воспринял вмешательство американцев в процесс послевоенной ком-

мунизации Западной Европы. США поставили странам, претендовавшим на получение экономической помощи по плану Маршалла, категорическое условие: выведение коммунистов из состава правительств. Это требование было повсеместно выполнено к концу 1940-х. Годы спустя христианский демократ Альдо Моро, пять раз возглавлявший Совет министров Италии, попытался изменить такое положение дел, выдвинув программу, в соответствии с которой коммунисты вновь могли бы войти в правительственные кабинеты. Процесс сближения между левыми и католиками, реально начавшийся в Италии, был насильственно прерван убийством Альдо Моро.

ВТОРОЕ НАПРАВЛЕНИЕ борьбы с коммунизмом как религией связано с попыткой уничтожить коммунизм, прибегнув к научной аргументации.

Наука против коммунистической религии... Дело, между прочим, не столь простое, как кажется на первый взгляд. Потому что Маркс тоже говорит о науке. И советские идеологи напирают на свою научность. И на свою антирелигиозность. Как противопоставить их религиозности — научность? Они ведь скажут в ответ: «А мы сами научные! И вдобавок антирелигиозные! У нас даже дисциплина такая есть — научный атеизм».

Так что же делать?

Прежде всего, искоренять — пусть даже и с помощью научного атеизма — все то, что позволяет укрепить религиозный стержень коммунизма. То есть богостроительство, космизм, «богдановщину» и прочее. Многим членам «Суть времени» кажется, что против коммунистической религиозности выступает стопроцентно светская коммунистичность. Но это не так. Враги коммунизма, опасаясь его возрождения в России, страшатся именно возрождения коммунистической религиозности. И потому так яростно нападают на все, что сулит такое возрождение. А что сулит такое возрождение? Угадайте с трех раз! И скажите честно — говорит ли об этом кто-нибудь, кроме Кургурия?

Теперь давайте поиграем в игру наподобие «если бы я был директором». Только играть будем не в директора, а во врага. Задайте себе вопрос: «Что бы я делал, если бы был врагом коммунизма и был уверен, что возрождение коммунизма связано с красной религиозностью? Ведь понятно, что бы я в этом случае делал — истреблял все ростки такой религиозности. И мне было бы все равно, кого при этом использовать — марксистского начетчика или подрывной элемент, натягивающий на себя маску такого начетничества».

Некоторые, между прочим, всерьез называли главного коммунистического идеолога Сулова «убийцей смысла». То есть убийцей очень специфической красной религиозности. А почему Сулов истреблял эту религиозность? Тайна за семью печатями. То ли в силу своей ограниченности, то ли в силу своей двусмысленности — какая разница? Сулов и Александра Яковлева опекал, и Михаила Горбачева — это общеизвестно.

Но мало истреблять ростки весьма специфической — подчеркнем это еще раз — коммунистической религиозности.

Мало воспрепятствовать синтезу обычной религиозности и религиозности коммунистической, то есть тому, что олицетворяла собой теология освобождения. Надо еще и бороться с марксизмом. Не с начетническим марксизмом, а с Марксом, научным гением. Но как с ним бороться, противопоставляя его теории некую науку, если он сам насквозь научен?

Вот тут-то и понадобились позитивисты. А также неопозитивисты. А также господин Поппер. В чем Поппер обвинил Маркса, а заодно Гегеля и Платона? Ну, хорошо, Гегеля и Платона он обвинял в идеализме. Но Маркса-то в идеализме обвинить было нельзя. И тогда Поппер обвинил Маркса в том, что тот втянул ценности в науку. И этим испортил ее. А он, Поппер, создаст метод очищения науки от ценностей.

На самом деле, окончательное очищение науки от ценностей превращает науку в интеллектуального и морального калеку. Но это отдельный и достаточно сложный вопрос. Интересующихся адресую к статье Сергея Кургурия в этом номере газеты. Свою же задачу вижу в том, чтобы привлечь внимание читателя на неслучайный характер работ Поппера, фон Хайека и других. На то, что эти работы не были научными. Они были псевдонаучным средством выяснения отношений с Марксом и коммунизмом. Большой и страстной науке Маркса была противопоставлена наука мелкая и пошлая, сотворенная специально именно для того, чтобы, убив большую науку, убить все религиозное в коммунизме, а через это убить и сам коммунизм. Ибо он религиозен. И убивать его надо через умерщвление размещенного в нем сокровенного религиозного содержания.

Говоря о борьбе с коммунизмом, многие обращают внимание на лживую теорию тоталитаризма, разработанную Карлом Поппером, Фридрихом фон Хайеком и Ханной Арент. Как эта теория помогала бороться с коммунизмом — понятно. Она уравнивала коммунизм и фашизм, глубоко извращала суть войны между коммунистами и фашистами, выковывала новый либеральный фашизм (достаточно прочитать книгу Поппера «Открытое общество и его враги», чтобы понять: открытое общество — это общество вполне фашистского типа).

Но обращая внимание на изобретенный антикоммунистами тоталитаризм попперовского разлива, мало кто обращает внимание на войну Поппера с Марксом. А эта война, по сути, является войной с коммунистической религией, причем войной тонкой и злокачественной. Потому что в виде средства, используемого в войне, создается очень страшная наука. И это чревато чудовищными последствиями в XXI столетии.

Впрочем, и к такой войне с красной религией все никоим образом не сводилось. Для разгрома Красной Церкви понадобились и постмодернизм, и «карнавал» Бахтина, и столь выразительно описанная им Церковь Низа.

Но об этом — в следующей статье.

Анна Кудинова

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Гражданская война была не только мутью и ужасом, но и гигантской вспышкой разнообразного творчества, включая военное. Его породили народный гений, народная страсть, его следовало осмыслить

На пути к советской военной доктрине

Период после Первой мировой войны в западной военной мысли характеризовался появлением целого ряда новых стратегических концепций. Этому было несколько причин.

Прежде всего, появилось новое поколение вооружений, которое полностью изменило техническую базу войны (отсылаю читателя к статье «Pax Bellum» в №1 нашей газеты). Научно-технические усовершенствования, обновление старой и внедрение новой военной техники привели к небывалому усилению боевых возможностей всех родов войск. За годы войны почти заново создается авиационная промышленность и совсем заново — танковая. Неузнаваемо меняется промышленность, производящая подводные лодки. Колоссальные успехи делает производство артиллерийской техники (к примеру, сверхдальние орудия стреляли уже на несколько десятков километров). В Первую мировую появились и широко применялись самолеты, танки, подводные лодки, зенитные и противотанковые пушки, минометы, газобаллоны, газовые и дымовые снаряды, различные зажигательные средства, оптические и измерительные приборы, средства связи (телеграф, телефон, радио).

В связи с этим от военной теории потребовалось изменение стратегических подходов. В частности, стратегия обязательности генерального сражения, когда-то общепринятая и бесспорная, уже не отвечала новым требованиям войны. Теперь следовало учитывать возможность длительного сопротивления противника, в том числе, первому наносимому удару.

Кроме того, очень скоро стало понятно, что итоги Первой мировой не удовлетворяют ни одну из ведущих мировых держав. От военных теоретиков потребовалась разработка военных концепций новой мировой войны. При этом стремление империалистических держав к мировому господству толкало их политиков к созданию многомиллионных армий, однако военные теоретики предостерегали от этого.

Они утверждали, что широкое участие народных масс в войне таит в себе огромные опасности, в частности, с точки зрения морального состояния армии. Война дала примеры революционных выступлений армий против собственных империалистических правительств, показала ненадежность массовых пролетарских армий для достижения целей буржуазии.

Невозможность управлять такими массами людей без идеологической мотивации, невозможность заставить их подчиняться приказу и отдавать свою жизнь ради непонятных им целей, опасность выхода из подчинения «человека с ружьем» — вот основания для появления концепций о необходимости небольших профессиональных армий с исключительно высокой насыщенностью техникой — «рыцарей в бронированных латах». Об этом писал модный в те годы в Европе военный исследователь англичанин Лидделл Гарт.

Другие теоретики решали эту проблему иначе. Большой популярностью пользовалась военная теория итальянца Дж. Дуэ о завоевании победы путем «воздушной войны». Ставку на «танковую войну» делали англичанин Дж. Фуллер и немец Х. Гудериан. Официальными считались концепции «тотальной и молниеносной войны» (Э. Людендорф, Германия), «морской силы» (А. Мэхэн и его последователи в Великобритании и США), «позиционной войны» (французский Генштаб).

Таким образом, западным военным теоретикам приходилось в своих концепциях учитывать такой фактор, как мощное революционизирующее влияние на пролетариат всего мира Великого Октября и Советского Союза — государства с совершенно новым общественным строем, которого не было прежде в мировой истории.

При этом Советский Союз был сильным и энергичным государством, готовым активно защищать свои завоевания. Достичь победы над его армией и народом было непросто, особенно учитывая начавшееся перевооружение Красной Армии.

Какой же была, с учетом сложившейся военно-политической обстановки в мире, военная доктрина молодой Советской республики? Могла ли отечественная военная мысль что-то противопоставить западным военным концепциям?

У советских военных теоретиков не было сомнений в большой вероятности новой агрессии против Советской республики со стороны империалистических государств. В. И. Ленин всегда требовал помнить «о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм». Партия большевиков также считала, что самым опасным является недооценка возможных противников. Уже в декабре 1921 г. в резолюции IX Всероссийского съезда Советов было записано: «Новые враги могут оказаться лучше организованными, обученными и вооруженными, чем те, над коими Красная Армия одержала столько славных побед».

Для большинства отечественных военных мыслителей было бесспорно, что со стороны империалистических государств СССР угрожает опасность, и что война с ними будет борьбой за спасение социалистического Отечества. Но кто же именно будет вероятным противником, как сложится соотношение сил в будущей войне, какое место в ней займут различные виды и рода вооруженных сил, какова будет роль человека и техники — вот вопросы, на которые должна была ответить будущая военная доктрина Красной Армии.

Военно-стратегические представления о характере будущей войны у советских военных теоретиков в 20–30-е годы формировались, исходя из опыта двух войн: Первой мировой и Гражданской войны 1918–1922 годов. В итоге сложились два направления: к одному относились военные теоретики и практики, отдававшие предпочтение опыту мировой войны (условно, «технократы»), а к другому — те, кто считал наиболее ценным для понимания будущих войн опыт Гражданской войны (условно, сторонники «стратегической конницы»). Между этими двумя группами сложились отношения антагонизма, которые продолжались вплоть до начального периода Великой Отечественной войны.

Однако было бы упрощением сводить противостояние внутри военной элиты Советского государства лишь к конфликту «техника или конница», как это принято считать с хрущевской подачи. Линия размежевания внутри советской военной элиты проходила и в связи с их ориентацией на высших партийных руководителей СССР — И. Сталина и Л. Троцкого.

Смерть В. И. Ленина в 1924 году положила начало внутриэлитному конфликту не только среди высших советских партийных деятелей, но и среди военных. Причем позиции одних (сторонников Л. Троцкого) были заведомо сильнее, чем позиции других.

Троцкий и его сторонники (в числе главных — М. Тухачевский, И. Уборевич,

И. Якир и др.), а также часть бывших офицеров и генералов царской армии, перешедших на службу в части и штабы Красной Армии, абсолютизировали опыт Первой мировой войны и полностью отрицали достижения и опыт, накопленный в годы Гражданской войны. Они утверждали, что в эту войну военная наука и искусство деградировали, и поэтому опыт Гражданской войны не может найти себе применения.

Противоположные позиции занимали молодые командиры, ставшие военачальниками в годы Гражданской войны — Ворошилов, Буденный, Щаденко, Кулик и другие. Они, в свою очередь, абсолютизировали ее опыт, недооценивали роль техники и военной науки, считали, что главным и решающим условием победы является боевой дух и революционное сознание. Сторонники этой позиции во внутриэлитной борьбе ориентировались на И. Сталина.

Отметим, что вновь перед нами выступает проблема противостояния «духа» и «материи», но уже в совершенно новой ситуации военно-политического строительства армии фактически с нуля.

Еще одной точкой конфликта между двумя группами военных была идеология. Сторонники Троцкого в полном согласии с идеей «перманентной революции» считали, что долгом Красной Армии является внесение в Европу «революции на своих штыках». Эта идея занимала центральное место в рассуждениях и военной практике М. Тухачевского, который в сборнике статей «Война классов» в 1921 году, в частности, писал: «Совершенно невозможно вообразить, чтобы мир, потрясенный до своих основ мировой войной, мог бы вдруг спокойно поделить на две части — социалистическую и капиталистическую, которые могли бы вдобавок жить в мире и согласии. Совершенно ясно, что такого времени не наступит и социалистическая война будет непрерывна до победы той или иной стороны». И дальше: «...Государство, находящееся под властью рабочего класса, ставит себе политическую цель в войне не сообразно со своими вооруженными силами, а, наоборот, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира».

Полноты ради надо отметить, что таких же радикальных взглядов на характер доминирующих отношений в мире придерживались не только советские военные, опытные победы революции и Гражданской войны. Так же, «через прорезь прицела», смотрели на взаимоотношения с Советским государством и противники СССР.

«Конники», как полупрезрительно называли сторонники Троцкого командиров Гражданской войны, скептически смотрели на идею интернационализации революции и главной задачей государства считали защиту и сохранение завоеваний Октября на собственной территории.

Как мы видим, вновь возник все тот же конфликт «огнепоклонников» и «штыколобов», как во времена Драгомирова, только теперь «штыколобов» сподручнее было бы называть «конелюбами» или «тачанколюбями».

Конфликт, существовавший еще в царской армии, воспроизвелся в армии Советской России, одновременно существенно усложнившись. Ведь в чем состояла, если можно так выразиться, концептуальная и одновременно психологическая суть подхода, исповедуемого Троцким и его командой?

Суть этого подхода состояла в следующем: «Да, нам пришлось во время Гражданской войны опереться на плохо организованное мужичье и его причуды. На всех этих Котовских, Буденных, Чапаевых... На этих полубандитов. Да, с их помощью мы победили! Но теперь мы взяли власть, мы — государство. И теперь мы можем опереться на солидное, обстоятельное, отбросив всю эту пену эпохи Гражданской войны. И конечно, нам надо самым существенным образом вобрать западный военный опыт, он более прогрессивный!».

Спросят — а что тут не так? Разве в Гражданскую войну не было пены? Разве не надо было сделать все по-взрослому и готовиться к большой войне, которая не чета Гражданской? Конечно, надо было. И конечно, в Гражданской войне было много пены. Ведь подход, который исповедовали новые «штыколобы», они же «тачанколюбьи», заключался в том, что все надо было оставить так, как это было во время Гражданской войны. Разбили ведь белжков и Антанту! Теперь надо воспроизвести позволившую это сделать военную модель, увеличив ее во много раз. Скажем, в масштабе 1:20. Больше коней, больше тачанок... Конечно, добавит кое-какой техники... И так далее.

Этот подход был подвергнут глумлению при Хрущеве. Ворошилов, Буденный и прочие (а они-то и были антитроцкистами по очень многим причинам) были названы «старыми, безграмотными дилетантами». Что было явным образом клеветой. И глубоким искажением существа дела.

Но как же можно было пройти между двумя этими крайностями? Как и куда, в какую новую военную реальность? Ведь задача и впрямь состояла не в том, чтобы увеличить количество тачанок и усовершенствовать их устройство. Так в чем же правда «тачанколюбью», героев Гражданской войны, и стояла ли за ними какая-то правда?

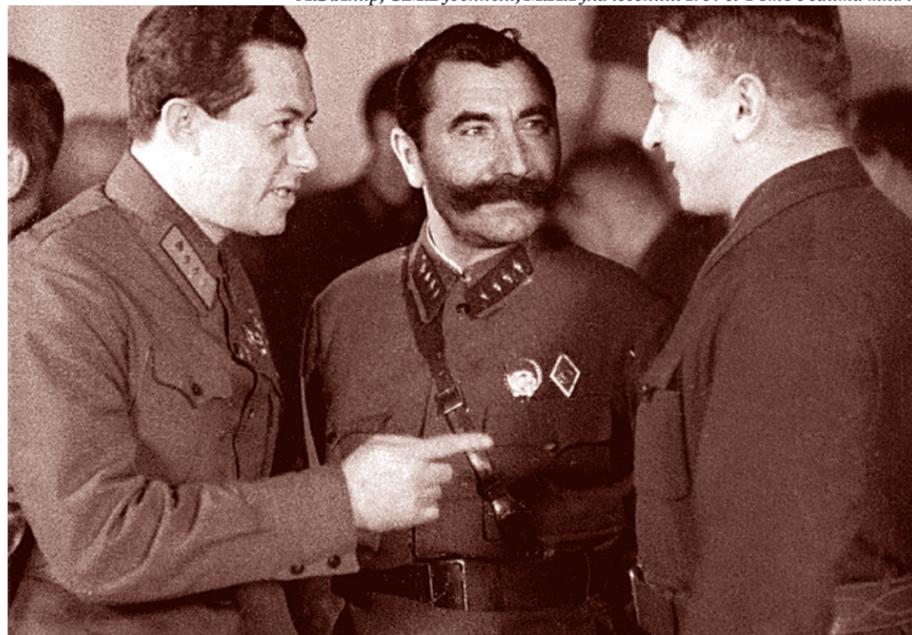
Правда состояла в том, что, отказываясь от прямого копирования той модели, которая дала возможность победить в Гражданской войне, нельзя было отказываться от некоего концептуального принципа, суть которого состоит в следующем. Гражданская война вообще и в особенности та Гражданская война, которая прошла по территории Советской России, была не только мутью и ужасом, но и гигантской вспышкой разнообразного творчества, включая военное. Его породили народный гений, народная страсть, и его следовало осмыслить и перевести в новое качество. Но именно осмыслить, а не отбросить, как этого хотел Троцкий, и не буквально воспроизвести, как этого хотели его противники. При этом раздув эту буквальность, и только.

Обязательно должен был появиться человек, сказавший: «Просто раздувать эту буквальность не будем, но и отбрасывать военное творчество народа тоже не будем. Будем это творчество осмысливать, выявлять в нем подлинно драгоценное. И это подлинно драгоценное переводить в новое качество. Мы как ученики Ленина будем делать это со всем — с общественной жизнью, с образованием, культурой. И это же мы будем делать с армией. Осмысливать, сепарировать, переводить в совершенно новое качество и верить в принципиальную важность народных открытий. Вот новая военная формула».

Эту формулу предложил М. В. Фрунзе. О том, как именно он это сделал и каковы были последствия — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

И.Э.Якир, С.М.Буденный, М.Н.Тухачевский. 1935 г. Фото с сайта mn.ru

НАША ВОЙНА

Как и положено было в советские времена, после съезда состоялся концерт. И не какой-нибудь там маленький, незаметный, а грандиозный! Концерт — по собственному почину! Бесплатно! — устроили наши доблестные средства массовой информации и примкнувшая к ним блогосфера

Разведка съездом, или Это, конечно, атас!

Съезд родителей России, который Движение «Суть времени» организовало и провело 9 февраля с.г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, оказалось во всех отношениях выдающимся событием.

И потому, что проведя этот съезд, «Суть времени» смогла продемонстрировать свое не только идейное, но организационное взросление.

И потому, что это был действительно съезд неравнодушных родителей и организаций, их представляющих.

И потому, что на нем была учреждена новая Общероссийская общественная организация РВС — «Родительское Всероссийское Сопротивление».

И потому, что была образована Коалиция родительских общественных движений, Декларацию которой подписали, помимо РВС, еще 8 организаций, договорившиеся вместе бороться за светлое будущее детей России.

И потому, что в докладе С. Е. Кургиняна съезду было во всеулышание заявлено, как именно «Суть времени» понимает и позиционирует «детские» и «родительские» проблемы современной России среди других проблем и на фоне политического курса и власти, и оппозиции.

И — главное — потому, что на этом съезде появилась надежда, что многомесячные усилия активистов «Сути времени», АРКС, других родительских организаций, борющихся против принятия законов, продвигающих в нашу страну западные ювенальные технологии, приведут, наконец, к успеху. Эту надежду породило неожиданное для всех появление на съезде Президента России В. Путина — впечатленного собранными и переданными ему десятками тысяч подписей граждан — и руководителя его администрации С. Иванова. То, что Президент не смог и не захотел проигнорировать обращенные к нему письма десятков тысяч россиян, а наоборот, «посчитал своим долгом встретиться с вами и объяснить свою собственную позицию по этим вопросам, позицию руководства страны», согласитесь, само по себе внушает некоторую надежду. То, что Президент фактически пообещал, что «мнение общества, безусловно, будет услышано и, безусловно, будет учтено», эту надежду только укрепляет.

Все вместе эти достижения не могут не радовать, и ощущение значительности происходящего на наших глазах и созданного нашими руками большого политического события было буквально разлито в воздухе Колонного зала. Казалось, что все сложилось как нельзя лучше.

Но... выяснилось, что все сложилось еще лучше, чем нам всем казалось. Как и положено было в советские времена, после съезда состоялся концерт. И не какой-нибудь там маленький, незаметный, а грандиозный! Концерт — по собственному почину! Бесплатно! — устроили наши доблестные средства массовой информации и примкнувшая к ним блогосфера. В нем приняли участие практически все звезды отечественной ~~эстрады~~ политической журналистики и большинство известных блогеров.

Причем оказалось, что концерт начался еще до завершения работы съезда. И продолжается он до сих пор (а сегодня мы переживаем 19 февраля 2013 г., то есть со дня съезда прошло ровно 10 дней).

Названием этого концерта вполне может служить реплика К. Лариной, журналистки «Эха Москвы», которая в перерыве передачи «Культурный шок», которую она вела днем 9 февраля, услышала в новостях о том, что на Съезд родителей приехал Путин. «Это, конечно, атас» — ~~завыл~~ сказала она.

«Это, конечно, атас» — отличное название для концерта, не правда ли? Можно было бы, конечно, назвать его и более привычно (особенно для жителей интернета) — «Как страшно жить», например, и это название тоже будет в какой-то степени отражать содержание концерта. Но, пожалуй, оно будет не так оригинально, как «Это, конечно, атас», да и не так точно соответствовать эмоциональному накалу и интеллектуальному уровню этого удивительного явления, устроенного для нас вскладчину нашей болотно-либерально-опозиционной журналистикой. Исчерпывающий анализ произошедшего, произведенный журналисткой Лариной в этой фразе (вариант: «Это вообще атас, конечно»), удивительным образом совпадает по глубине и выразительности с «аналитикой» съезда и связанных с ним событий, которой обогатили отечественную журналистику другие участники концерта.

Нас как зрителей (слушателей, читателей) необыкновенно поразило именно вот это единодушие и единомыслие почти всех участников (согласитесь, не так часто свойственное нашим СМИ): большинство ~~высказывалось~~ высказывалось очень громко, эмоционально и определенно — но... как-то безотносительно к содержанию события. Практически никого не интересовало (и об этом мало упоминали, в основном для профформы), что же произошло на нашем съезде, что этому предшествовало, что

за этим последует, чего съезд хотел добиться и чего добился... Вместо этого все говорили о своем — о том, что им показалось, привиделось, подумалось, придумалось...

Более всего это напоминало групповое прохождение проективного теста. Среди методов исследования личности в психологии есть так называемый проективный метод. «Проективный метод (от лат. *projectio* — выбрасывание вперед) характеризуется созданием экспериментальной ситуации, допускающей множественность возможных интерпретаций при восприятии ее испытуемыми. За каждой такой интерпретацией вырисовывается уникальная система личностных смыслов и особенностей когнитивного стиля субъекта. Метод обеспечивает совокупностью проективных методик (называемых также проективными тестами), среди которых различают: ассоциативные (например, тест Роршаха, тест Хольцмана, в которых испытуемые создают образы по стимулам — пятнам; тест завершения неоконченных предложений); интерпретационные (например, тематический аттестационный текст, в котором требуется истолковать социальную ситуацию, изображенную на картине); экспрессивные (психодрама, тест рисунка человека, тест рисунка несуществующего животного) и др. Проективные методики обладают значительными возможностями в исследовании индивидуальности...» Так вот, исполнители концерта очень напоминали испытуемых, исследуемых с помощью проективного теста, которым стал для них Съезд родителей. Они не могли спокойно воспринять, оценить и проанализировать то, что произошло

в реальности, — они могли воспринимать и оценивать только собственные фантазии, страхи и вожелания, а затем их нервночески озвучивать.

Поняв это, мы вспомнили о нашем высшем психологическом образовании, а также о том, что «проективные методики обладают значительными возможностями в исследовании...». И решили эти «значительные возможности» использовать: когда предоставляется такой прекрасный шанс исследовать противника, узнать о нем даже то, что он сам о себе не очень знает, было бы недальновидно этот шанс не использовать, не правда ли? В некотором смысле, это ведь разведка. Трудно воевать, плохо представляя себя противника. А успешные военные действия без разведки практически невозможны. Энциклопедия Кольера определяет разведку как «комплекс мероприятий по получению и обработке данных о действующем или вероятном противнике, его военных ресурсах, боевых возможностях и уязвимости, а также о театре военных действий». В той войне, которая нам предстоит, разведка нужна не меньше, чем в настоящей, классической. Как известно, есть такой метод разведки, как «разведка боем». Ну, а у нас получилась «разведка съездом». И, как оказалось, очень эффективная.

В общем, мы провели контент-анализ публикаций, посвященных Съезду родителей. Сразу оговорим, что «публикацией» мы считали только относительно большие тексты (не реплики и не комментарии), специально посвященные Съезду родителей и опубликованные в газетах, в интернет-СМИ, в блогах, в радиопередачах. Таких публикаций оказалось 83.

Рис. 1. Оценки Съезда и элементов по сумме публикаций

(Оценка)

Ювенальная юстиция				6
Новые образовательные стандарты			-5	
В.В.Путин			-6	
«Закон Димы Яковлева»			-6	
РВС			-10	
«Суть времени»			-27	
С.Е.Кургинян	-49			
Съезд в целом	-62			

НАША ВОЙНА

Сначала был подведен общий «баланс» отношения СМИ (положительного, нейтрального или отрицательного) к Съезду — к его содержательным «трем китам» — ювенальной юстиции, «закону Димы Яковлева» и новым образовательным стандартам, а также к его главным «действующим лицам»: «Сути времени», РВС, С. Е. Кургиняну и В. В. Путину. Получилось вот что:

Необходимое отступление и — благодарности.

Хотим особо подчеркнуть, что в дальнейший анализ не попали публикации, авторы которых не присоединились к «концерту», а написали статьи по существу дела. Они не во всем нас поддерживают, а мы не всегда с ними согласны, однако они сделали свою журналистскую работу качественно и профессионально, что вызывает только уважение.

К сожалению, мы не сможем подробно анализировать здесь их статьи — такова уж судьба тех, кто при тестировании показывает «нормальные» результаты: гораздо интереснее и познавательнее с военной и медицинской точки зрения анализировать данные испытуемых с явной патологией. Поэтому мы только поблагодарим авторов «Российской газеты», «Известий», «МК» «Комсомольской правды», газеты «Завтра», интернет-сайтов «Однако», «Русская Народная Линия», «Pravda.ru», «Подмосковье», «Мнения.ру» — А. Артоха, А. Вассермана, А. Гришина, А. Проханова, А. Юнашева, Б. Клина, В. Лебедева, В. Мараховского, В. Павленко, Д. Терехова, К. Латушину, М. Шевченко, Н. Козлову, С. Сметанину, М. Верного — и вернемся к нашим... участникам концерта.

Что ж, из диаграммы каждый может видеть, что «в среднем по больнице», положительно наши — в большинстве либеральные — СМИ относятся только к ювенальной юстиции (!). Хотя в целом ювенальную юстицию обсуждали мало, а большинство вообще обошло эту тему стороной, тем не менее, общий баланс — положительный. Что тут скажешь?

Неверно было бы думать, что либеральная общественность настолько ослабела интеллектуально, что не в состоянии прочесть что-то о ювенальных технологиях и понять, чем они грозят нашим семьям. Скорее дело в том, что эта общественность (и ее представители в СМИ) думает, что ювенальная юстиция угрожает только именно нашим — а не их — семьям и детям. Более того, в угрозе нашим с вами детям эта общественность ничего плохого не видит, потому как она нас презирает и ненавидит изо всех сил.

Вот, например, что пишет А. Колесников из «Новой газеты»: «Родители из «Всероссийского родительского сопротивления» — сопротивляются. Их пытаются бигмаками и кока-колой заокеанские супостаты, у них постоянно кто-то хочет отнять детей, тень ювенальной юстиции накрыла счастливую жизнь ячейки общества, которая за небольшую плату внезапно увеличила показатели рождаемости». Чувствуете? Если нет, мы переведем. Автор «Новой газеты» говорит вам: «Это у вас в семье не дети, а показатели рождаемости. Чего так волноваться по поводу ювенальной юстиции? Отнимут у вас детей — и правильно! А вы новых на-

рожаете — за небольшую плату». Это и есть эффект проективного метода: Колесников вроде хочет сказать что-то о ювенальной юстиции, а получается говорить только о своем, о главном и сокровенном — о том, как он ненавидит и презирает большинство людей, которые живут в «этой стране».

Дальше автор возмущается, что его позиция — а он ведь тоже родитель! — не была представлена на съезде. И опять полностью раскрывает свою позицию — правда, по совершенно другому вопросу. «Странное у нас какое-то представительство. Например, меня, простого российского гражданина с обычными (хочется спросить: для кого обычными?) либеральными взглядами, не представляет в российском парламенте вообще никто. При этом я не просил Сергея Ервандовича Кургиняна представлять мои интересы как отца троих детей. Мне совершенно в этом качестве некому «сопротивляться». Разве что самому Сергею Кургиняну и той странной публике, которую собрал Колонный зал». Слышите? Сопротивляться нужно только Кургиняну и людям, которые собрались в Доме Союзов. Которые представляют большинство. То есть угроза для «простого российского гражданина с обычными либеральными взглядами» исходит только и исключительно от Большинства. И ведь не откажешь господину в логике — в чем-то он, безусловно, прав. Вот только статью он вроде не об этом писал...

«Закон Димы Яковлева» тоже упоминали немногие (примерно одна пятая всех написавших про съезд), но общий баланс оценок все же отрицательный. Надо отдать должное оппозиционным журналистам: все-таки они помнят, что совсем недавно, буквально вчера яростно протестовали против «закона Димы Яковлева», и когда сегодня им представили аргументы, от которых просто так не отмахнешься, они все же сочли более приличным пока явно не отрешиваться от прежних позиций — это было бы уж совсем как-то беспринципно...

Но былого энтузиазма и уверенности не чувствуется уже. Так, довольно вялые и пустые отговорки в основном. Сказать что-то по существу вопроса решился совсем уж единицы, и высказывания их были несколько странноваты. Вот, например, В. Панюшкин в «Ведомостях» пишет: «И точно так же я понимаю, что иностранное усыновление — это позор для нас». Казалось бы, все в порядке, человек думает правильно. Но дальше он прибавляет: «Но что же делать с сиротами-инвалидами, которых здесь не вылечить и не воспитать?». Почему? Что это значит? Кто сказал Панюшкину, что у нас инвалидов нельзя вылечить и воспитать? Помогут ли Панюшкину знания о том, как у нас лечат, усыновляют, воспитывают детей-инвалидов? Или, быть может, его уверенность в невозможности этого не зависит от знаний, да и вообще от реальности? И что делать с тем, что наши сироты, усыновленные за границей, подвергаются там насилию и издевательствам, а некоторые погибают? Смириться? Панюшкин эти вопросы себе не задает. Пока. Но некое безусловное ослабление позиций либеральных СМИ по вопросу о «законе Димы Яковлева» все-таки произошло. И в этом тоже — результат Съезда.

А вот новые образовательные стандарты даже либеральным журналистам большей частью не нравятся: хоть их обсуждал, в лучшем случае, только каждый пятый, но в среднем отношение к ним слабо отрицательное. Однако и по этому вопросу многие «испытываемые» высказываются в исключительно «проективном» ключе. То есть совершенно не о том, хороши стандарты или плохи, стоит обязывать школьников читать Эппеля или не стоит. Нет. Они опять всё о том же, своем, заветном... В редакционной статье «Ведомостей» от 11 февраля читаем: «Владимир Путин становится равен своему «путинскому большинству». Теперь ему приходится не генерировать свою, а поддерживать повестку этого большинства — с соответствующим уровнем компетенции...»

Субботние слушатели Путина вряд ли подробно знакомы с обычным или экспериментальным курсом литературы и вряд ли специалисты в ювенальной юстиции. Речь президента показывает, что государство отказалось от предписанной ему Александром Пушкиным роли «единственного европейца», воспитывающего и облагораживающего косные народные массы. Чтобы оседлать поднявшуюся с мая 2012 г. консервативную волну, оно готово тиражировать и подпитывать заблуждения и предрассудки консервативно настроенных обывателей, поддерживать их враждебность в отношении новых культурных, социальных и политических веяний».

Все вроде ясно как день. Большинство «с соответствующим уровнем компетенции» — не компетентно ни в чем: ни в курсе литературы, ни в ювенальной юстиции. Большинство — это «косные народные массы», требующие воспитания и облагораживания... Большинство — это обыватели с комплектом заблуждений и предрассудков, всегда враждебные в отношении «новых культурных, социальных и политических веяний» (вероятно, имеются в виду новые стандарты по литературе, выставки Гельмана, ювенальные технологии и раздел России вместе с РПЦ на удельные княжества?). И кто же должен воспитывать это косное, темное большинство? А как выдумаете? — меньшинство, конечно. Которое, конечно, компетентно во всех вопросах, не имеет предрассудков и всегда открыто всему новому, даже если это новые способы самоубийства. И тут — та-та-та-там! — меньшинство обнаруживает, что его предали! Кто же? Это государство в лице Путина. Раньше-то Путин был на стороне меньшинства, он «генерировал свою повестку» дня, независимую от чаяний большинства. А теперь — ужас-ужас-ужас! — он вроде переходит на сторону большинства, перестает играть в «европейца»... Рядуйте, граждане! Прогрессивное меньшинство остается без руководящей роли и поддержки государства! А-а-а-а!

Думаете, мы слегка перебираем? А вот нам так не кажется. Потому что весь этот описываемый нами концерт — это и есть один сплошной крик «А-а-а-а!». И повод к панике — тоже один: Путин вернулся лицом к Большинству и даже в чем-то его услышал и с ним согласился. Это ли не трагедия для Меньшинства? Которое привыкло чувствовать себя полновластным хозяином в стране, с Большинством не считаться и вытирать об него ноги?

Этот мотив сквозит в большинстве (67%) негативных публикаций о Съезде. Но точнее всего его выразил один из прошлогодних лидеров Болота Сергей Пархоменко, который в 14 часов 42 минуты 9 февраля (то есть когда еще не закончилась первая половина Съезда) опубликовал на сайте «Эхо Москвы» довольно-таки панический пост, контрапунктом которого была фраза: «Это они новую «Поклонную гору» устраивают, только гораздо, гораздо, большего масштаба. И не одно-разовую, а долгоиграющую». То есть прямо проводит аналогию между митингом на Поклонной горе и Съездом в Колонном зале. А что такое был митинг на Поклонной горе? Это было первое за последние годы и пока единственное явление стране Большинства — оказавшееся совершенно неожиданным для меньшинства. Пархоменко усматривает в Съезде родителей нечто подобное Поклонной — то есть опять явление ненавидимого Большинства. И ведь вряд ли он повторяет за С. Е. Кургиняна? — нет, это он сам увидел. Увидел — и испугался. И все они увидели — и испугались. Некоторые — до судорог.

Конечно, они испугались не самого по себе Большинства, которое они презирают, считают быдлом, анчоусами и пр. Они испугались того, что у Большинства появился голос — в лице С. Е. Кургиняна и Движения «Суть времени», и что к Большинству начала очень медленно, понемногу, но поворачиваться власть — в лице В. В. Путина. Одновременно — в силу физических законов — отворачиваясь от меньшинства. А что может меньшинство без поддержки власти? Вы правильно догадались!

Вот очередной истошный крик: некто Иван Черкасов, представляющий как «партнер фонда Hermitage Capital» пишет в блоге на «Эхе Москвы» «Кургинян — это кричащее внутреннее «я» сегодняшнего Путина. Он высказывает вслух то, что сам Путин пока сказать громко не решается. Но скоро и это пройдет. Поэтому стоит вслушаться в то, что вещает этот человек, так похожий внешне на Берию».

Надеюсь, все понимают, что господин Черкасов вряд ли так хорошо знает Путина, чтобы судить о его внутреннем «я». Это и есть проекция — когда свои (в данном случае) страхи человек приписывает другому. Безумный страх этого Черкасова в том, что Путин повернется к Большинству (а значит, и к Кургиняну). И он этот страх «вешает» на Путина. А уж всплывающая внутри этого кошмара господин Черкасова фигура А. П. Берии (с намеком на репрессию, естественно) — это, наверное, что-то личное, глубоко интимное из жизни партнера фонда Hermitage Capital. Но компот получается неплохой: тут тебе и страшный Путин большинства, говорящий через Кургиняна, и Берия с репрессиями... Ужас!

В некотором смысле апофеозом (у нас в школе в таких случаях говорили «апофигеем») всей этой истерии может выступать публикация в Le Monde: «Появление «национального лидера» в Доме Союзов подводит черту под обещанной модернизацией. Отвернувшись от креативного класса, стремящегося к справедливости и свободе, правящая военно-политическая элита сделала ставку на ханжество, замкнутость и ненависть ко всему иностранному». А? То-то и оно!

Вернемся опять к результатам нашего небольшого контент-аналитического исследования. Следующей по степени неприятия после новых образовательных стандартов в нашем рейтинге идет РВС. Созданное на Съезде «Родительское Всероссийское Сопротивление» очень мало обсуждается в исследованных публикациях. Наверное, это в какой-то степени оправданно: организация только создана, обсуждать еще, по сути, нечего. Однако общий баланс-то — отрицательный! Не правда ли, интересно?

Отрицательный баланс складывается потому, что все силу пишущей и комментирующей братии сосредоточены на том, чтобы как можно быстрее и ярче опорочить новую организацию. А как опорочить то, чего еще нет? Но для креативного класса это не проблема. Ведь для борьбы со смертельным врагом все средства хороши, не правда ли? И нам торжественно открывают «страшную тайну» о родственных связях между лидером «Сути времени» и РВС, нам бесконечно ~~вну~~ прошещают о том, что родители, собравшиеся на съезде, никого (а точнее, родителей из меньшинства) не представляли... Нам рассказывают высосанные из пальца страшлики про то, что РВС создана, оказывается, для того, чтобы под ее прикрытием протащить-таки ювенальную юстицию...

Что ж, все это может производить на кого-то впечатление, наверное, но только до того момента, как РВС не заработает в полную силу. В конце концов, нам не привыкать — точно так же вли и поводу «Сути времени» два года назад. А сейчас — мы провели Съезд родителей России, который вызвал совершенно реальную панику и истошные вопли в рядах белоленточников и всей либеральной тусовки. Потому что теперь «Суть времени» — сила. Еще не очень мощная, но уже очень страшная для врагов. Так же будет и с РВС.

Кстати, следующим пунктом в нашем анализе идет сама «Суть времени». Ой, как ее не любят... Но рассказать об этом придется в следующий раз.

Юлия Крижанская,
Андрей Сверчков

ВОЙНА ИДЕЙ

Жесткое оформление принципиальнейших расхождений между позициями большинства и меньшинства, их отливание в формы холодной гражданской войны — было начато именно нашим «прогрессивным меньшинством»

В чем причина? — 2

Маяковский говорил: «Я себя под Лениным чищу». Что имело в виду? Что есть великий человек Ленин, и что надо на этого человека ориентироваться. В отличие от Маяковского — гениально-го, между прочим, поэта — пошлый и мелкий Быков не хочет ориентироваться на великих, потому что тогда его мелкотравчатость будет ясна для всех, включая его самого. Поэтому он хочет навязать великим писателям свою пошлость и мелкотравчатость. Навязать это Толстому, Достоевскому и другим можно только с помощью грубейших подлогов. А дух Рублевки — это и есть дух подлогов, подмен, махинаций. Именно этот дух водит и рукой, и языком Быкова. И дело не только в том, что он не стыдится, занявшись политикой, выступать с конферансом перед «рублевскими» в их святая святых — ресторане. Дело именно в духе. Только обнаружив этот дух, можно понять феномен Быкова. А чтобы обнаружить этот дух, нужно ощутить дух-антагонист, дух великой русской литературы. Тот дух, которому бросает вызов рублевский антидух, вселившийся в Быкова.

Почему Быков осуществляет свои махинации с вызывающей грубостью? Видимо, расчет на то, что всем, внимательно читавшим авторов, которых он «исследует» в своих публичных лекциях, недосуг его слушать. А не читавшим — нет времени читать в том мире, который был построен два десятка лет назад под веселое похихатывание и самого г-на Быкова, и большинства отечественных интеллигентов, настроенных на радостную волну перемен. Эти «не читавшие» попросту не могли уже читать в необходимом объеме того же Толстого. Они должны были тратить все время, некогда называвшееся досугом, на обеспечение выживания своих семей. Или были детьми, которых уже учили по сокращенной программе и соросовским учебникам. Чем теперь г-н литератор и пользуется, втюхивая современникам «ценные мысли» про тягу великих к здоровому ограничению в себе русской безграничности и про комфорт как обязательный итог, цель и высший замысел. Видимо, всего сущего.

Так ли или иначе, но словцо это наихарактернейшее попадает у него как-то уж совсем не к месту в разговор о русской литературе. Потому что нет в ней места комфорту. Ни у кого нет. Но ведь не ослышались же! Оказывается — как-то по умолчанию у Быкова оказывается — что все поиски справедливого мироустройства, все метания и мучения, все трагические повороты русской всечеловеческой мысли должны пройти один тест: на специфическую результативность. И получить штампик — «комфорт». Но, добавим мы от себя, не получают... Хотя ты будь трижды гений!

Однако как не порадовать родному человеку! Родной литературе, то есть. И Быков радеет. Так возникают триумфы вокруг «очевидного всем» «тамошнего» рая и будто бы стремления великих к оному раю, но... что называется, «грехи не пускают». Известные коллективные грехи России. Которые — в чем? Опять же, известно. Со времен, когда за вопрос взялся философ А. Ракитов, уж точно. Главный грех — в том самом «культурном ядре». В том, которое отзывается недоумением, когда слышит: «...строй, который не верил в человека, пришел к удивительному комфорту», и порождает неудобные вопросы, типа «для КОГО комфорту?» Ведь надо же признаться, хотя бы после того, как все уже сами наездили и насмотрелись, что западная жизнь весьма разная. Но тех, кто рассуждает о ее комфорте, интересует только тот отсек, в котором живут обладатели оного.

Итак, о ядре, которое так хочется уничтожить во имя комфорта. Что там, в ядре? На уровне языка, наиболее глубинном ментальном уровне, там укоренено определенное представление о «воле». Мы уже затронули пример, из которого явствует наличие этой укорененности. Рассмотрим его же чуть подробнее, вчитавшись еще более внимательно в «Живой труп» Л. Толстого — там ведь дело к одной фразе про «степь» не сводится.

В чем коллизия пьесы? Вокруг чего разворачивается внутренний конфликт? Не сюжет, а внутренняя пружина авторской мыс-

ли? Хотя и сюжет тоже. Он в том, что в семье возник «любовный треугольник», и главный герой хочет из него выскочить, избавиться от себя жену и друга — очень приличных, «правильных», хороших людей. Что оказывается не так-то просто в условиях действующей бюрократической машины. И даже совсем непросто. И даже ужасно. Но не в этом ведь главное. А в том, что тут-то и возникает противоречие двух идей: либеральной «свободы» и той «воли», которой взывает почти погибшая (по канонам буржуазной морали), но очень живая человеческая душа. Федя Протасов не укладывается в предписанные рамки. Как не укладывается в эти западные либеральные рамки Россия. Размерчик не тот.

Это все не новость и было разобрано умнейшими людьми предыдущей эпохи. Читая у М. Лотмана. «В пьесе наслаиваются друг на друга два конфликта. Либеральное понимание свободы воплощено в сюжетной линии, которая связана с судом. Лиза и Каренин становятся жертвами грязной машины, власти чиновников над человеком. Если бы конфликт ограничивался этим, то дело сводилось бы к столкновению беззакония и свободы. В таком варианте пьеса укладывалась бы в общее направление либеральной критики дореформенного суда или его пережитков в послереформенное время. Но сюжет Толстого вводит более сложный конфликт. Неслучайно оговорка Федя: «То есть они опять меня свяжут с ней, то есть ее со мной?» Вопрос не только в том, чтобы обеспечить право Лизы на развод (в этих рамках сюжет укладывался бы в либеральную проблематику). Либеральному понятию свободы Толстой противопоставляет анархический максимализм. Оговорка Федя Протасова выдает другую мысль: свобода — выше морали и любых ее условностей; закон и мораль — порождение цивилизации, а свобода — присуща человеку. Виктор и Лиза вступили в конфликт с уродливыми социальными законами, а Федя выступает в принципе против социальных законов, противопоставляя им свободу чувств, таланта и безграничность права человека на выбор своего пути. Прими- тивно перефразировав эту ситуацию, можно говорить о столкновении либерального свободомыслия и безграничной «архаической» воли, опирающейся на природу человека.

То есть на взгляд Толстого нравственность человеку присуща от природы, и незачем накладывать на первичную «волю» ограничительные рамки западных институтов, превращая ее в суррогатную «свободу». Путь к заложенной в человеке правде и нравственности — не через страх наказания. Русский путь совершенно иной. И конечно, связан с восприятием мира — природы и человека — как Божьего творения. Когда герой «Идиота» говорит о возможности спасения через красоту, он ведь тоже о целостности, о красоте, просветленной Духом, говорит. Или в «Дневнике писателя»: «Величайшая красота человека, величайшая чистота его... обращаются ни во что, проходят без пользы человечеству... единственно потому, что всем этим даром не хватают гения, чтобы управлять этим богатством».

И надо суметь вернуться к себе «подлинным», к Замыслу, а не ограничивать законом его искажение. Примерно это есть русская мысль. Но она ведь категорически не равна западной. Как и либеральная «свобода», прорывающаяся маленьким бунтом против буржуазных устоев, никак не равна пресловутому «бессмысленному и беспощадному» русскому бунту. Которого не зря боялись и боятся. Право, есть чего!

Кстати, о двух разных подходах к обузданию зла. Они ведь во всех мелочах проявляются. Вот в предыдущем номере газеты «Суть времени» была статья наших новосибирских товарищей с интереснейшим сравнением плакатов о детстве — советских и современных, от ювенальщиков. Там, в частности, два плаката, призывающие взрослых не бить детей. С этим скверным пережитком в СССР сразу стали бороться. И видно, как: «Чем ребят бранить и бить, лучше книжку им купить!» советует «темной крестьянке» плакат. А рядом — нынешний ювенальный, калька с западного, с угрозой: «Не выходи за рамки!». То есть в одном случае предлагается выйти за рамки — наверх! А в другом — держат человека в этих рамках страха кары. Мы не раз обсуждали разницу между западным подходом, основанном на обуздании несправимого зла мира, и православным подходом, основанном на преобразении мира. Указав еще раз на принципиальную важность этого разногласия, дадим опять слово Лотману, который убедительно показывает, в какой степени Толстой отторгает либеральный подход.

«В «Живом трупе» герои делятся на тех, чьи поступки «правильны» с точки зрения какой-либо общественной роли, и на погибших, непредсказуемых — пьяницы, художники, людей вне общества. Чиновники, люди суда, с одной стороны, и Виктор и Лиза, — с другой, при всей противоположности характеров и нравственной их оценки, имеют одну общность: их поступки правильны с какой-либо заранее заданной точки зрения, то есть предсказуемы, и поэтому, с позиции Федя Протасова, непереносимо скучны. В них нет неожиданности; нравственные или безнравственные, они в равной мере лишены поэзии. Это и делает подобную жизнь для Федя Протасова тюрьмой. Как блоковский Арлекин, Федя жаждет прорыва в мир свободы (анархист понятнее Толстому, чем либерал). Федя, как из тюрьмы, убегает из семьи, в которой царил добродетель, но «не было изюминки, — знаешь, в квасе изюминка, — говорит Федя Протасов, — <...> не было игры в нашей жизни. А мне нужно было забываться. А без игры не забудешься». «Изюминка» — об- раз непредсказуемого, случайного, того, что не является обязательным элементом структуры, без чего система остается собой, описывается одинаковыми моделями, но без чего жить в ней делается невозможно».

«Что немцу здорово, то русскому смерть», — гласит известная поговорка. Переделать русского в немца и есть задача по слову ядра. А иначе — слишком непредсказуемо, слишком опасно, слишком безнадёжно в плане окорачивания этой «са-

мости». Ее окорачивают, давят, она вроде уже ложится, уже нет ее — р-раз! Тут как тут! Одно слово — Ванька-встанька. Так что хватит нам удивляться, почему ведут войну с этим «русским духом». А вам, будь вы на месте западников, охота было бы все время под угрозой такого вставания в полный рост жить?

И тут стоит перейти от напоминания, что есть великая литература, очень глубоко рассматривающая проблему этого «полного роста», — к концептуальным вопросам, явным образом подчиненным определенной политической линии.

В 2008 г. «Новой газетой» была опубликована огромная статья Юрия Афанасьева под знаковым названием «Мы не рабы? (Исторический бег на месте: особый путь России)». И совершенно не газетный объем публикации, и вынесенная в название тема сделали текст фактически программным для всей группы наших специфических западников. Которая особенно и не скрывала своей задачи как пятой колонны, но опубликованием данного манифеста явно «пошла на Вы». И с тех пор мы много услышали «приятного» о большинстве, особенно за последний год. Но это уже был год окончательной разнузданности. Толчок же нынешней разнузданности — всем этим высказываниям про «быдло», «рогатый скот», «мух» и «анчоусов» — дала именно афанасьевская статья 2008 года, сопровождавшаяся к тому же еще откликом Б. Стругацкого. Это публичное «перестукивание», как его назвал Стругацкий, двух корифеев дало легитимацию на окончательное раскалывание общества. И, подчеркнем, жесткое оформление принципиальнейших расхождений между позициями большинства и меньшинства (а они были всегда!), их отливание в формы холодной гражданской войны — было начато именно нашим «прогрессивным меньшинством».

«Давно (с незабвенных времен «самиздата») не получал я такого удовольствия от публицистики, как при чтении Вашей статьи, — начинает свой ответ Борис Стругацкий. — Я знаю, конечно, что ничего не изменит она и не заполнит ни в какой мере всепобеждающую Пустоту, но она высечет, я уверен, десятки и сотни искр из родственных душ, которые есть, которые всегда были и которые будут всегда».

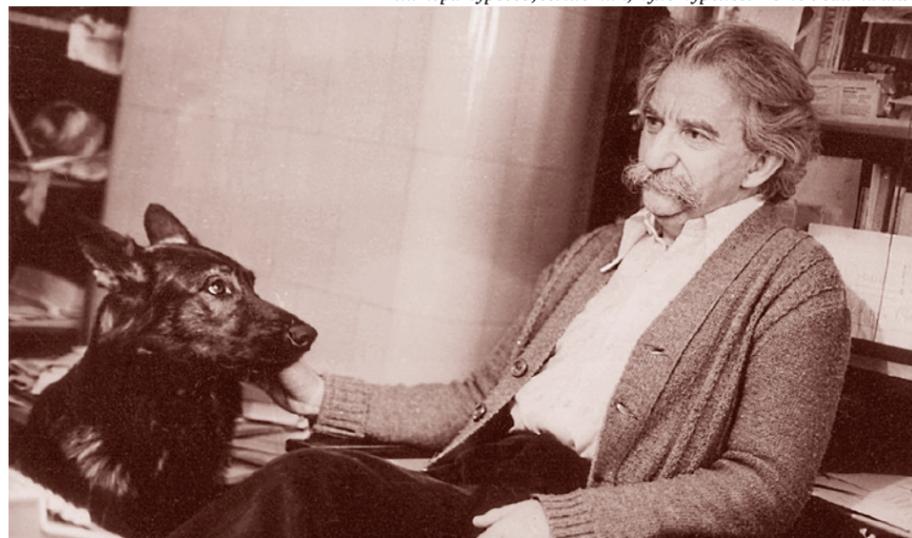
И сразу в ЖЖ родственные души стали активно перепечатывать чьи-то слова о том, что «срок годности России истек». Такой вот приговорчик. Но что же Афанасьев, что там насчет «рабов» под вопросом? Да, вы правильно догадались, никакого вопроса тут нет. Главная печаль Юрия Афанасьева о том, что Россия так и не может соскочить с протоптанной колеи, поскольку «аморальное население» и не желает этого, а наоборот, откликается всякий раз лишь на имперский призыв. Эта колея слишком уж глубока, и каждый раз на историческом распутье русский витязь не делает верного выбора.

Заметим, с образом перестройки как перепутья и будто бы уникальной возможности в «особых точках истории» перескочить на какой-то совершенно иной, правильный путь, мы уже сталкивались прежде. Это старая перестроечная мысль М. Гелфтера (его статья «Перестройка или перепутье?») и это недавние, 2012 г., высказывания Б. Стругацкого — мы касались их в статье «Перестройка-2 на марше». То есть тема не нова, не оригинальна, заявлена была Гелфтером в 1988 г., в 2008 получила расширенное толкование у Афанасьева и теперь входит в либеральный катехизис.

Но поскольку Ю. Афанасьев, изрядно обогатив данную метафору развернутыми обсуждениями, все же так и не дал четкого ответа, как именно возможна желанная для «родственных душ» телепортация целой страны с двухтысячелетней историей на иные пути, — нам придется самим разбираться в этой отнюдь не пустопорожней мечтательности «дельфинов». К чему и переходим в следующих публикациях.

Мария Мамиконян

Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) – выдающийся советский литературовед, семиотик, культуролог. Фото с сайта ut.ee

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Сталинская система заложила огромный запас прочности не только для государства (которое разрушают и обворовывают более 20 лет), но и для российской постсоветской семьи

Семья: от Сталина до перестройки

Следующий период семейной государственной политики начался после смерти Сталина и продолжился вплоть до распада СССР. Государство «смягчает» свое участие в построении и нормировании семейных отношений. И переводит свое участие в новое качество. Речь теперь идет не о директивном жестком управлении семейной жизнью («семью строить только так и так, а иначе мы вас накажем!»), а о достаточно деликатной опеке, исходящей из принципа: «Хотелось бы, чтобы вы так-то и так-то строили свою семейную жизнь. Но — вам виднее! Мы теперь исходим из этого!».

В 1954 была снята уголовная ответственность за подпольный аборт (аборт разрешен по медицинским или социальным показаниям). Государство, признавая материнство основной социальной функцией женщин, охраняя и поощряя его, ввело в законодательство следующее положение: «в целях охраны здоровья женщины предоставлять ей право самой решать вопрос о материнстве». Но одновременно с разрешением абортосуд государство через законодательство, предоставление социальных льгот, кампании в газетах, культуру, через формирование общественного мнения поднимало престиж женщины-матери.

Мы уже писали о высоком государственном признании многодетных матерей. В 1944 году впервые в отечественной истории были утверждены орден и звание «Матери-героиня». За советское время орденом было награждено 431 тыс. женщин, родивших и воспитавших 10 и более детей. В постсоветское время орден не вручался. Что означает вовсе не отсутствие матерей-героинь, а отражает отношение государства к такого рода героизму. Также в советское время более 4 млн женщин были награждены орденом «Материнская слава», свыше 10 млн матерей — «Медалью материнства».

Такое количество многодетных семей свидетельствовало, прежде всего, о крепости нравственных устоев в советском обществе. И это — невзирая на все предыдущие (начиная с 1917 года) революционные изменения и перегибы в законодательстве о браке, несмотря на огромные тяготы в жизни страны.

Высокие награды подкреплялись государственной материальной поддержкой. Главной привилегией многодетных семей было получение отдельных квартир и выплаты хороших пособий на детей. «Матерям, которым присвоено звание «Матери-героиня», многодетным семьям, одиноким матерям и семьям при рождении близнецов предоставляется право на первоочередное получение жилого помещения», — говорилось в Основных жилищного законодательства СССР.

В 1968 году были приняты Основы законодательства о браке и семье СССР и союзных республик. Новое законодательство упростило процедуру развода (через ЗАГС, при наличии детей — через нарсад), узаконило аборт по личному решению женщины. Признало право на установление отцовства (и добровольно, и в судебном порядке), отрегулировало алиментные отношения, подтвердило режим общей собственности для супругов. Советское семейное законодательство провозгласило равные личные и имущественные права для мужа и жены и их равные обязанности перед семьей, обществом и государством.

При этом закон устанавливал ряд дополнительных прав для женщины-матери. Так, муж не мог возбудить без согласия жены дело о разводе во время беременности жены и в течение года со дня рождения ребенка (ст. 14 Основ законодательства о браке и семье). При разводе суд мог выделить супругу, при котором остаются несовершеннолетние дети, большую часть совместно нажитого имущества, и т. д.

В 80-е гг. были реализованы социальные программы для матерей: введены единовременные пособия на ребенка, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до года, производственные льготы для работающих матерей. Далее (вплоть до начала 90-х) был увеличен оплачиваемый до- и послеродовой отпуск (с 56 до 70 дней), увеличен частично оплачиваемый отпуск с 1 года до 1,5 лет, введен отпуск по уходу за ребенком до 3-х лет. Последний не оплачивался, но при этом не прерывался рабочий стаж и сохранялось рабочее место матери. Был также осуществлен ряд дополнительных мер по защите материнства: например, матерям с детьми до 1,5 лет предоставлялся дополнительный перерыв для кормления ребенка, перерыв включался в рабочее время и оплачивался, и др.

Являлись ли эти программы значительным и новым вкладом государства в поддержку материнства и семьи? Безусловно.

Например, США — единственная развитая западная страна, где не предусмотрен оплачиваемый отпуск по беременности и родам. Только в 1993 году возник Закон об отпуске по семейным и медицинским проблемам, согласно которому при выполнении некоторых условий (стажа работы в компании, не менее 50 работающих в ней сотрудников и др.) может быть предоставлен отпуск до 12 недель. Но без сохранения заработной платы. В отдельных штатах существуют специальные программы социального страхования. Но государство в целом отнюдь не озабочено здоровьем и восстановлением матери. Может быть, поэтому (в какой-то мере, и в том числе) американские семьи предпочитают не рожать, а усыновлять?

Социальные программы в СССР предначались в основном, конечно, работающей матери. К началу 90-х годов свыше 90% женщин трудоспособного возраста были заняты в различных секторах экономики. Право на труд женщинами было не только завоевано, но и закреплено уже как обязанность. Если в начале 20-х годов работающие женщины составляли 27%, в 1940 году — 39%, то в конце 60-х женщины среди работающих составляли 51%.

В 1961 году Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» — против тунеядства. Работой признавалось официальное трудоустройство и учеба в вузе. Лишь домохозяйкам, имеющим детей, разрешалось не работать, в отличие от незамужних и бездетных женщин. В 1970 году статья о тунеядстве была включена в уголовный кодекс РСФСР и просуществовала до 1991 года, до принятия закона «О занятости населения», легализовавшего безработицу.

В СССР семья как важнейший институт советского общества находилась под контролем и патронатом государства и партии. Поддержка материнства была важной социальной, государственной функцией — государство брало на себя ответственность за воспитание, образование, охрану здоровья детей.

В постсоветский период делалось все для того, чтобы оклеветать высокое качество воспитательной советской системы. Но — увы и ах! — все понимали, что система была прекрасной. А тот, кто этого не понимал в советский период, все понял на горьком опыте постсоветских реалий.

Бережное и одновременно требовательное отношение к детям в детских яслях, детсадах, школах, ПТУ, пионерлагерях, домах творчества, клубах и дворцах пионеров. Система спортивных детских организаций (от школ олимпийского резерва до дворовых площадок)... Система музыкальных школ и т. д. и т. п. Воистину была выстроена уникальная структура воспитания и развития детей.

И что немаловажно, были созданы условия для того, чтобы дети выросли здоровыми. Для этого с самого рождения ребенку оказывалась медицинская помощь (бесплатная, конечно) по месту жительства. Далее, в школах проводилась всеобщая диспансеризация (например, в школу приезжал зубной кабинет и бесплатно проверял зубы всем детям — и, если нужно, лечил их). Диспансеризация проводилась не только в школах, но и в ПТУ, техникумах, ВУЗах. А еще были профилактории, санатории, базы отдыха и т. д.

Сегодня либероидные форумы полны свидетельств нынешних сорокалетних, прошедших через «ад» советских детсадов. Они с мазохистским ужасом и восторгом признаются, что самое страшное событие в их жизни — это то, как их насильно кормили в детсадах садисты-воспитатели и нянечки. Какое же это было ужасное нарушение их детских прав! Ведь именно эти и подобные ключевые события их «совкового» детства, по их убеждению, привели к их нынешнему семейному неблагополучию и прочим никак не решаемым личностным проблемам!

Но оставим обвинения избалованных и неблагодарных детей в адрес государства и всей советской системы.

Существует новый — и уже где-то более взрослый — взгляд на советское воспитание и государственную политику в отношении детей и семьи. Вот, например, как пишут на форумах об утерянном советском рае: «А трудовой лагерь — это совсем не труд. Ведь и правда, мы даже не помним, что делали в первую половину дня — положили капусту, морковь, по-моему. Ну что для здоровых юношей стоит поддевать сорняки? Зато все, что было после обеда и до отбоя, — это сильнейшие подростковые переживания, которые расцветивают жизнь яркими красками и отпечатываются в памяти на долгие годы».

Сравнение никак не в пользу сегодняшнего воспитания подростков. Сегодня подростковые переживания в основном связаны с виртуальным и крайне небезопасным для них и их близких миром интернета. Про телевидение с непотопляемым «Домом-2» в качестве идеала для подростков я и не говорю. К чему они готовят ребенка? Отнюдь не к способности встречать трудности

и их преодолевать. Готовят они, прежде всего, к инфантильному потребительскому восприятию мира. В конечном счете, к рабству и зависимости (от вещей, навязываемых стандартов потребления, гламура, разврата и т. д.)

Никак нельзя отрицать (это не только цифры, это помнят жившие в советское время): дети СССР были в основном здоровы. Являлось ли это заслугой государства, выстроившего ответственную политику поддержки семьи и детства? Безусловно, да.

Сейчас же здоровые дети — все более редкое явление. Среди детей СССР не было такого количества малолетних алкоголиков, токсикоманов, наркоманов, проституток, садистов, избивающих учителей и сверстников под видеозапись. Всего того, чем «славится» сегодняшняя Россия. В СССР у детей с нормативностью поведения было в основном в порядке. У них не было компьютеров и айфонов, но был выбор в занятиях, которые их учили, развивали, воспитывали, а не дебилизируют. Была ли это заслуга советского государства? Да.

Газета «Звезда» Пермского края 22.01.2013 сообщила статистику гибели несовершеннолетних жителей Прикамья за прошедший год. Оказалось, что из 517 погибших детей 432 ребенка умерли (от управляемых или неуправляемых причин) в семьях, в которых не проявлялись признаки неблагополучия. И лишь 3,1% умерших детей были из семей, находящихся в опасном положении и состоявших на учете.

Что это означает? Враждебность окружающей среды для детей? Некомпетентность и безразличие родителей? Не это ли неназываемые, но очевидные глубинные причины болезни постсоветского российского общества? Причины, которые нам придется выявлять, объяснять и, в конечном счете, уничтожать, чтобы страна и, прежде всего, семья — жила.

В нескольких предыдущих статьях мы лишь прикоснулись к проблеме семейного строительства советского периода. И что же оказалось? Оказалось, что модель государства и модель семьи теснейшим образом связаны между собой («семья — ячейка общества»). Поэтому либеральные вейяни, пришедшие после смерти Сталина, меняли как саму государственную систему, так и ее семейную политику. Поэтому последние при всех уникальных достижениях сталинской системы не могла остаться прежней. Одновременно оказалось, что сталинская система заложила огромный запас прочности не только для государства (которое разрушают и обворовывают более 20 лет), но и для российской постсоветской семьи.

Она вышла из традиционной российской семьи, переплавлялась в буднях советских строек и в ходе страшной войны, защитившей новое советское государство. Она смогла (конечно, с огромными материальными и духовными потерями) выжить в перестройку, в лихие 90-е, в живые двухтысячные. И сегодня оказалась один на один с новым врагом — ювенальной юстицией и с теми, кто за ней стоит. Ювенальный враг нацелен исключительно на уничтожение нашей семьи, а поскольку нет государственной защиты, то ей придется сражаться самой. И победить.

Вера Сорокина

ВОЙНА С ИСТОРИЕЙ

Важной ставкой в ведущейся против России игре является дестабилизация юга России путем «раскачки» наиболее близкого украинскому кубанского казачества

Клуб господ

Политическим «отцом» нацизма в Германии был крупный капитал, создававший элитные клубы в целях управления массами. Клубы пережили войну и сохранились по сей день. Не всегда связь между структурами была прямой и безусловной, но элитные связи долго живут и полностью никогда не исчезают. Рассмотрим этапы реализации антикоммунистического элитного проекта.

Первый этап: базовая элитная структура.

В 1918 г. немецкий аристократ Генрих фон Гляйхен-Русвурм создал «Объединение национальной и социальной солидарности», ставшее первой структурой основанного им «движения Кольца». Это был клуб по образцу английских политических клубов, призванный сформировать элитную организацию будущих лидеров Германии. Члены клуба, называя себя «солидаристами» и подчеркивая значимость социальных реформ (что было модно в присущей времени революционной ситуации), налаживали контакты с христианскими профсоюзами. Но при этом ни сам фон Гляйхен-Русвурм, ни его друзья отнюдь не имели в виду никакого социального равенства. Одной из основных скрепляющих идей клуба был антикоммунизм.

Второй этап: бизнес-фонд, обеспечивавший элитную структуру.

В том же 1918 г. член «Кольца» Эдуард Штадлер основал «Антибольшевистскую лигу». Лига эта заработала, согласно мемуарам Штадлера, после 10 января 1919 г., когда с подачи директора «Дойче банка» Пауля Манквица состоялась встреча 50 крупных промышленников, банкиров и предпринимателей Германии. На этой встрече представители экономических кругов пожертвовали 500 миллионов марок в антибольшевистский фонд, и далее вносили деньги регулярно. Активное участие в организации фонда приняла промышленный король Германии Гуго Стиннес, глава объединения сталелитейных заводов Альберт Фёглер и др.

Третий этап: «Немецкий клуб господ».

В том же году все тот же Штадлер участвует в создании в рамках «Кольца» организации со скромным названием «Июньский клуб», переименованной в 1924 г. в «Немецкий клуб господ». «Немецкий клуб господ» сыграет важную роль в фашизации Германии. Его членами были вожди «Антибольшевистской лиги», а также будущий рейхсканцлер Франц фон Папен. После прихода Гитлера к власти предприятия наследника Стиннеса (сам Гуго в 1924 г. умер), а также Альберта Фёглера (задававшего рьяным нацистом) и других членов «Антибольшевистской лиги» станут опорой Третьего рейха.

Четвертый этап: консолидация во время войны «порабощенных народов».

Начавшееся со Сталинградской битвы отступление немцев на Восточном фронте заставило антикоммунистов сплотить ряды. 21–22 ноября 1943 г. по инициативе палачей и коллаборационистов из бандеровской Организации украинских националистов (ОУН) на Ровеньщине была проведена тайная Конференция порабощенных народов Востока Европа и Азии. На этой конференции представители различных народностей СССР, входивших в Украинскую повстанческую армию (УПА), постановили вести совместную подрывную деятельность против «общего врага» — «русского коммунизма».

Пятый этап: оформление новых структур в послевоенный период.

После разгрома Третьего рейха созданные во время войны антикоммунистические структуры принялись настойчиво проводить в жизнь свою политику. 16 апреля 1946 г. в Мюнхене был создан «Антибольшевистский блок народов» (АБН), в который вошли представители советских, восточноевропейских и балканских эмигрантов. В 1967 г. АБН волеется в состав «Всемирной антикоммунистической лиги» (ВАКЛ) с центром на Тайване.

Президентом АБН в 1946–1986 гг. был проживавший в Мюнхене бандеровский ка-

ратель Ярослав Стецько, а в 1986–1996 гг. — его жена Слава Стецько.

Следует отметить, что западногерманские промышленники после разгрома Гитлера не забывали старых друзей. Так, оберфюрер СС Эрих Гритцбах, личный референт Геринга, до 1953 г. был на руководящей должности в концерне Стиннеса. В концерне Стиннеса же занимал высокооплачиваемую должность юрисконсульта «Палач Дании» Вернер Бест. Штандартенфюрер СС Иоахим Пайпер, разрушивший, будучи командиром танкового полка дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», итальянское селение Бове, в 1957 г. занял руководящий пост на заводах Порше (поставлявших Гитлеру танки, в том числе «Тигры»).

Шестой этап: успехи в США и Евросоюзе.

Антибольшевистская сеть активно работала в США, где эмигрантом-украинцем Л. Добрянским был основан американский «Национальный комитет порабощенных народов». С подачи этого комитета Конгресс США принял в 1959 г. призывающий к освобождению от коммунизма «Закон о порабощенных народах». Членом «Национального комитета» была будущая жена президента Украины В. Ющенко Кэтрин Чумаченко.

Конференция ВАКЛ 20–23 сентября 1983 г. в Люксембурге в здании Европарламента собрала весь антикоммунистический «бомонд»: тут были супруги Стецько, Теодор Оберлендер (бывший командующий украинского батальона «Нахтигаль», ответственный, как и Стецько, за зверские погромы евреев и поляков во Львове), Роман Зварыч (секретарь Стецько, ставший позже министром юстиции при Ющенко), Кэтрин Чумаченко.

Седьмой этап: на постсоветском пространстве. Украинский полигон.

После развала СССР в 1992 г. Слава Стецько создала на Украине из подконтрольной ей ОУН «Конгресс украинских националистов» (КУН). На первых же выборах в «незалежной» в 1994 г. КУН вошел в Верховную Раду. А в 2002 г. КУН в составе ющенковского партийного блока «Наша Украина» одержал победу на выборах. Сама Слава являлась депутатом Рады с 1997 г., в 1998 г. она открывала в качестве старейшего депутата заседание новоизбранного парламента.

На первых выборах 1994 г. в «незалежной» в парламент прошли депутаты и от партии «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА-УНСО), возглавляемой сыном Р. Шухевича Юрием.

При этом боевое крыло партии УНСО во главе с Дмитрием Корчинским воевало против России в различных горячих точках, таких как Чечня, Южная Осетия 2008 г. и пр. Одной из заявляемых целей УНА-УНСО было и остается воссоединение с «украинскими землями» — Белгородчиной, Доном и Кубанью. Что есть прямой призыв к развалу России.

Вместе с уходом Ющенко в 2010 г., бандеровцы не ушли с ключевых политических постов Украины, сохранив свои позиции, в том числе, в аппарате Януковича (пример его пресс-секретаря Анны Герман мы уже рассматривали в газете).

Парламентские выборы 28 октября 2012 г. ознаменовали собой значимый прорыв еще одной бандеровской партии — «Свободы» Олега Тягнибока (прежнее пронацистское название — «Социал-национальная партия Украины»). «Свобода» впервые за время своего существования набрала 10,44% и вошла в Верховную Раду.

Нынче делегаты «Свободы» развязали подлинную битву против изъятия министром образования Украины Д. Табачником определения Бандеры и Шухевича как героев, а Голодомора как геноцида из нового украинского учебника истории, а также из экзаменационных тестов. «Свободовцы» призывают народ отвергнуть новые учебники Табачника, проклаиаемого как носителя «советско-рабского мировоззрения». Но чем бы ни окончилась битва, системная война про-русскими силами на Украине уже проиграна.

Правительство Януковича в своем стремлении балансировать между Востоком и Западом Украины оказалось не готово кардинально пересмотреть доминирующую на протяжении уже более чем двадцати лет «самостийную» концепцию украинской истории. Окончательно ясно это стало после отказа 5 февраля 2013 г. Высшего административного суда Украины отменить указ В. Ющенко о героизации Бандеры и Шухевича (что было одним из предвыборных обещаний Януковича).

Весьма внимательно за украинским процессом следят российские нацдемы. И не только следят. Непосредственно накануне выборов на Украине начались русско-украинские сепаратистские провокации.

Восьмой этап: на территории России. Русский опытный отсек украинского полигона.

8 октября 2012 г. московский адвокат Евгений Архипов заявил о намерении провести к июню 2013 г. референдум о создании независимой от Москвы «Русской Демократической Республики» (РДР) в районе Перемышля (Домодедово). Архипов также предложил присвоить аэропорту «Домодедово» имя Степана Бандеры.

Идея Архипова о создании «Русской Демократической Республики» была отрекламирована в ЖЖ сопредседателем Национально-Демократического Альянса (НДА) А. Широпаевым и поддержана в том же ЖЖ другим сопредседателем НДА И. Азаренко.

После успеха «Свободы» Тягнибока на украинских выборах уже весь Координационный совет НДА направил последнему поздравление с рекомендацией «на государственном уровне окончательно преодолеть советскую политическую мифологию».

Но все это оказалось лишь политической «разминкой».

6 декабря все тот же «домодедовский» Архипов заявил о начале борьбы за воссоединение «Соборной Украины» в границах «от польской реки Сан до Сахалина», со столицей в Киеве. По утверждению Архипова, объявившего себя «председателем партии «Соборная Украина», «современная Украина утратила более 70% этнических земель, из которых более 2/3 находятся на территории России». Воссоединенная же «Соборная Украина» (она же «Русская Демократическая Республика»), по изложению Архиповым плану, должна состоять из 20 территориальных единиц: Киевская Русь, Белая Русь, Залесская Русь, Казацкая Русь, Кавказская Русь, Байкальская Русь, Дальневосточная Русь и пр. Идею образования «Русской Демократической Республики» поддержала УНА-УНСО и ее бывший лидер, а ныне глава партии «Братство» Дмитрий Корчинский.

В конце января этого года «Соборная Украина» и «Братство» стали организаторами посвященных «Дню Соборности Украины» акций на Кубани, в ставропольском Невинномысске, Воронеже и Брянске. Со специальным обращением к участникам акций выступил духовный вождь УНА-УНСО Юрий Шухевич.

Установленный Архиповым в Домодедово камень «Памяти жертв ордынско-кремлевской оккупации». С сайта rusadvocat.com

В Невинномысске, где обстановка в этот момент накалилась после убийства гражданина России мигрантом, была осуществлена попытка провокации казаков на националистические выступления. Лидеры «Соборной Украины» заявили о намерении прибыть в Невинномыссск, дабы «защитить от уничтожения» славянское население Кубани и Ставрополья, которое якобы хочет объединиться с Украиной. Утверждалось, что отправившись из Керчи на пароме, украинцы совершат историческую «высадку на Кубани». И действительно, в Невинномысске российскими правоохранительными органами были задержаны два члена УНА-УНСО.

У этой русско-украинской «домодедовско-кубанской» густой провокации — густой же белоленточный «запах». Ибо Архипов по совместительству — известный адвокат «Другой России», защищающий активистов Болотной площади (в свое время он же защищал активистов Манежной). Архипов был, в частности, адвокатом Александра Долматова, покончившего с собой 17 января в голландском Роттердаме после отказа в получении политического убежища. Именно Архипов заявил о гибели Долматова, а сегодня проводит в его память акции — что характерно, в Киеве.

Не менее показательна фигура другого лидера «Соборной Украины» — Д. Чернова, члена «Союза славян» Минеральных вод, одного из организаторов беспорядков в Невинномысске. Чернов до сих пор был известен как организатор митингов «За честные выборы», кандидат в члены Координационного совета белоленточной оппозиции и организатор автопробега по Ставрополью «Белый поток». А еще на прошедших в октябре 2012 года выборах в Саратовскую областную думу Чернов был начальником штаба А. Лукьянова, кандидата от немцовско-касыновской РПР-ПАРНАС. Кроме того, Чернов — автор книги «Методы работы с толпой», характеризующей его больше как последователя идеолога оранжевых революций Джина Шарпа, нежели низового «бойца за свободу славян».

Грузинско-американский «запах» в указанных начинаниях также весьма ощутим. Архипов — глава «Ассоциации адвокатов России за права человека». В этой созданной им Ассоциации пока значится всего 17 человек, а также одна региональная дочерняя организация с аналогичным названием: «Ассоциация адвокатов Республики Северная Осетия — Алания за права человека». Осетинская «Ассоциация» была создана в 2009 г. адвокатом Д. Габачиевым, сопредседателем «Грузино-осетинского гражданского форума». Форум этот — детище бывшего члена Комиссии по конфликтам парламента Грузии Т. Якобашвили. Встречи форума начали проводиться после августовской войны 2008 г. и проводятся по сей день в интересах Грузии. Габачиев также поддержал учрежденное Саакашвили в 2007 г. «альтернативное правительство» Южной Осетии. По мнению осетинской стороны, и форум, и «правительство» создавались при содействии «Фонда стратегических и международных исследований Грузии» Т. Якобашвили, бывшего министра Грузии по вопросам реинтеграции. Характерно, что Якобашвили обучался в Йельском университете по той же программе подготовки лидеров, что и Навальный. И что длинейший список западных государственных и частных доноров его фонда открывается Госдепом США.

«Домодедовско-кубанские игрища» — лишь часть ведущейся против России игры. Важной ставкой в этой игре на настоящий момент является дестабилизация юга России путем «раскачки» наиболее близкого украинскому кубанского казачества. Это — в чистом виде концепция УНА-УНСО, которая и пытается сегодня порезвиться на Кубани.

За спиной же УНА-УНСО стоит совокупный субъект, уже однажды разваливший нашу страну в 1991 г. — ненавидящий не только коммунизм, но и любое понятие о равенстве, высокомерный и омерзительный западный Клуб господ.

Ирина Кургинян

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Смутное опасение, что международная интервенция, даже опрокинув режим в Дамаске, приведет к развязыванию мировой войны, пока что еще вызывает торможение на Западе

Сирийский колокол — 3

С начала 2013 года и на Ближнем Востоке, и на Западе с новой силой началось напряженное обсуждение вопроса о том, состоится или нет международная интервенция в Сирию.

В середине января к международной интервенции в очередной раз призвал Катар, который уже давно стоит на этой позиции. Одновременно по государственному ТВ Сирии были показаны спутниковые снимки моделей президентского дворца в Дамаске. Модели построены в Дохе, столице Катара, и предназначены для отработки штурма сирийского оригинала.

Президент Сирии Башар Асад, судя по всему, относится к такой перспективе серьезно и, по сообщениям иранских СМИ, отдал приказ: в случае его ликвидации — нанести удар по американским и израильским целям в Средиземном и на Красном море.

К этому времени казалось, что решительные действия международных сил в Сирии уже близки и неминуемы. Однако затем Дамаск получил настолько сосредоточенную дипломатическую поддержку от Ирана, что это не могло не сыграть роли в некотором изменении отношения на Западе к сирийской проблеме.

15 января 2013 года в Тегеране прошли сирийско-иранские переговоры на уровне премьер-министров, посвященные «иранской помощи Дамаску, противостоящему террористической агрессии». При этом участники переговоров подчеркивали намерение Тегерана и Дамаска «объединить свои потенциалы в противодействии экономической блокаде».

17 января первый вице-президент Ирана Мохаммад Реза Рахими заявил по итогам переговоров, что Иран «не пожалеет усилий для оказания ВСЕХ (выделено нами — М.П.) форм поддержки народу и правительству Сирии, противостоящим террористическому заговору».

Еще во время переговоров, 16 января, официальный представитель госдепартамента США Виктория Нуланд заявила о том, что США не имеют данных о применении правительством Сирии химического оружия против мирных жителей в Хомсе в декабре прошлого года. Таким образом, США дали понять, что на текущий момент не считают возможным использовать в Сирии химическое оружие как повод для вторжения, печально известный по Ираку.

Дальнейшие события обозначают, по меньшей мере, одну из причин такой американской (и не только американской) осторожности.

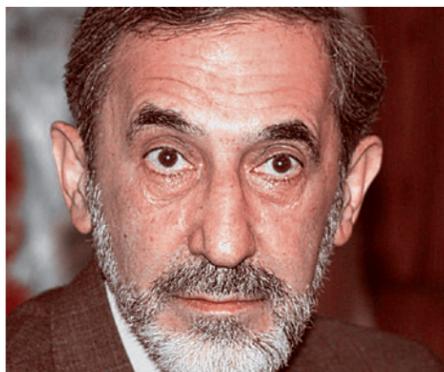
21 января 2013 года прозвучало новое выступление Ирана в поддержку Дамаска. Советник иранского духовного лидера аятоллы Хаменеи — Али Акбар Велаяти — объявил в интервью ливанскому телевидению: «Мы верим в то, что должны произойти реформы, порожденные волей сирийского народа, но без того, чтобы люди, требующие реформ, прибегали к насилию или помощи Америки».

Эту позицию Иран настойчиво демонстрирует с конца прошлого года, когда иранский министр иностранных дел Али Акбар Салехи объявил, что «Иран не допустит навязывания Сирии иностранных западных решений».

Теперь, уже 26 января, Велаяти высказался еще более жестко: «Сирия играет самую основную и ключевую роль в регионе для продвижения крепкой политики сотрудничества. Поэтому нападение на Сирию рассматривалось бы как нападение на Иран и иранских союзников».

Тем временем процесс оформления сирийской оппозиции тоже переживает не лучшие дни.

В конце января в Стамбуле проходили переговоры представителей проамериканского сирийского объединения «Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил». В результате этих переговоров лидерам сирийской оппозиции не удалось решить главную задачу: сформировать переходное правительство Сирии не позволили разногласия.

Али Акбар Велаяти, советник аятоллы Хаменеи, бывший министр иностранных дел Ирана, Генеральный секретарь Всемирной ассамблеи Исламского пробуждения. Фото с сайта gub.ferl.org

Помимо этого, 28 января в Париже прошла конференция сирийской оппозиции, с участием 50 стран и международных организаций. Эта конференция, как утверждают, тоже не принесла результатов. На ней сирийская коалиция не сумела пока убедить собравшихся представителей снабдить ее деньгами и оружием в достаточном для решительных действий объеме. И причина этого понятна: ранее президент Франции Олланд уже указывал на то, что необходимым условием широкомасштабной помощи сирийской оппозиции является формирование переходного сирийского правительства. А именно этого достичь все еще не удается.

Позднее эта картина дополнилась описанием того явного разочарования, которое вызывает в среде сирийских оппозиционеров общение с представителями американских спецслужб. В феврале об этом написал издание The Daily Beast. Этот популярнейший американский ресурс опубликовал статью под названием «ЦРУ обмануло сирийских повстанцев?», в которой приведены высказывания представителей сирийской оппозиции об отношении к США.

Основным предметом обсуждения в статье являются встречи представителей сирийской оппозиции с сотрудниками ЦРУ в турецком городе Газиянтеп, проходившие в середине прошлого года и организованные перебежчиком Фирасом Тласом, членом семьи влиятельнейших сирийских финансистов. Ирония в том, что семья Тласов десятилетиями была чрезвычайно близка семье Асадов, занимала высокие посты и обладала значительным влиянием в Сирии. Став перебежчиком, Фирас Тлас пообещал использовать свои немалые финансовые средства на «сирийскую революцию». После побега он организовал вышеупомянутые встречи представителей вооруженной оппозиции с сотрудниками ЦРУ, на которых давались обещания «помощи повстанцам» — вплоть до военной поддержки в случае результативности их действий. К январю 2013 года Тлас пришел к заключению, что все даваемые ЦРУ обещания были пустыми. В связи с этим в феврале 2013 года в разговоре с корреспондентом The Daily Beast Тлас высказал мнение о том, что, по-видимому, задача США состоит не столько в свержении Асада, сколько в том, чтобы война в Сирии продолжалась. То есть — реализовывалась та самая стратегия хаоса, о которой мы говорим, обсуждая мироустроительные войны на Ближнем Востоке.

Помимо этого, The Daily Beast приводит также оценку Салмана Шейха, директора Центра Бруклинга в Дохе, который сказал изданию об обещаниях ЦРУ сирийской оппозиции: «Было много невыполненных обещаний. Уровень раздражения и недоверия за пределами. И я не уверен, что это можно будет исправить».

Третья оценка, приведенная The Daily Beast, принадлежит оружейному контрабандисту, переправлявшему оружие сирийской оппозиции: «Они дают нам 10 пуль, чтобы, когда они у нас закончатся, мы пришли за новыми. Если бы они дали нам 20, то мы могли бы продвинуться, но они не хотят этого. Они просто хотят уравновесить власть режима».

Али Акбар Салехи, министр иностранных дел Ирана. Фото с сайта vozizneias.com

Это сформировавшееся за последние месяцы низовое впечатление о планировании затяжной войны получило в конце января своеобразное подтверждение из уст президента США.

27 января вышло интервью Барака Обамы журналу The New Republic, где американский президент высказывается осторожно: «В такой ситуации, как в Сирии, я должен спросить: можем ли мы что-то изменить? Не приведет ли это к еще большему насилию или применению химического оружия?»

Понятно, что такое напутствие не вызывает энтузиазма у действующих и потенциальных спонсоров сирийской оппозиции. А Обама к тому же добавил: «Мы не питаем никаких иллюзий. Грядут тяжелые дни. Но абсолютно ясно, что режим продолжает слабеть и теряет контроль над страной».

Сразу после этого выяснилось, что иллюзий не питает не один американский президент. И что впечатление о затяжном характере сирийского конфликта складывается не только в среде сирийских боевиков, но и во вполне рафинированных кругах на Западе.

2 февраля на страницах германской «Ди Вельт» появилась статья «Сирия и Египет на пути к несостоявшемуся государству». Автор статьи Рихард Херцингер упрекает Запад в неготовности помочь сирийской оппозиции и так определяет сегодняшнее состояние Ближнего Востока: «Насилие, хаос и новое угнетение определяют теперь лицо «арабской весны», на которую Запад возлагал сначала столь большие надежды, следуя ложной аналогии с мирными революциями в Восточной Европе 1989–1990 годов. ... Границы государств Ближнего Востока все еще соответствуют предписаниям, навязанным после Первой мировой войны Версальским договором. Большей частью «военные деспотии», последовавшие за деколонизацией арабского мира, не дали своим народам подлинной политической и культурной идентичности».

Сейчас, когда рушатся тиранические режимы, начинают проявляться скрытые и долго ждавшие своего часа этнические и религиозно-сектантские противоречия. Застывший на этой взрывоопасной чересполосице арабский мир стоит перед задачей достижения нового общественно-договорного, который позволит найти возможность присоединиться к миру глобальной Модерна. Но такой объединяющей главной идеи для подобного договора не существует».

Как не существует? Она есть. Просто это радикально-исламистская идея построения халифата, которая вас не устраивает. Или, точнее, кого-то из вас устраивает. Но тех, кого это не устраивает, устраивает хаос. Так что все в порядке. Налицо конфликт двух мироустроительных моделей. Как говорят в таких случаях, что и требовалось доказать.

Общий вывод Херцингера таков: «В среднесрочной перспективе нам следует распрощаться с иллюзиями относительно «арабской весны».

Что имеется в виду под иллюзиями? На поверхности лежит ответ, что речь

идет об иллюзиях по поводу быстрого демократического преобразования в регионе. Но за этим западным штампом все более явно прослеживается и другое понимание: не исключено, что Запад отказывается от иллюзий по поводу того, что сменить сирийский режим и вообще замкнуть весь контур ближневосточных переворотов удастся без большой войны. Такой войны, которую уже можно будет без образных выражений и преувеличений назвать мировой. И которую не удастся долго удерживать в рамках ближневосточного региона. Ведь именно на эту перспективу указывают заявления иранских официальных лиц. И на Западе это было, очевидно, услышано. Во всяком случае, пока что там взяли тайм-аут.

2 февраля 2013 года министр обороны Германии Томас де Мезьер, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, выразил сомнения в возможности проведения в Сирии международной миротворческой операции. И указал на невозможность «одностороннего вторжения» в Сирию без решения Совета безопасности ООН.

Де Мезьер заявил также, что интервенция в Сирию не принесла бы результата даже в том случае, если бы была легитимной. При этом для серьезного успеха, по его словам, потребовалось бы ввести более 100 тысяч солдат. Вообще же германский министр обороны определил военное вмешательство в сирийский конфликт как «весьма затратное» и «чертовски сложное». И заключил, что, по его мнению, гражданская война в Сирии продлится долго.

Интересно, что еще через несколько дней на сходную позицию встал генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен, который заявил 11 февраля в интервью брюссельской интернет-газете EUnobserver: «Мое твердое убеждение, что любое иностранное военное вмешательство будет иметь непредсказуемые последствия, потому что сирийское общество очень сложное политически, этнически, религиозно и в региональном контексте».

А что означает это самое «в региональном контексте»? Да то и означает, что Дамаск, судя по всему, не остается без союзников, как остался без них Триполи при Каддафи.

И это не только Иран. В начале февраля сирийский министр иностранных дел Фейсал Аль-Мекад встретался в Пекине с главой МИД КНР Чжаном Чжицзюнем, которого благодарил за помощь Китая в сопротивлении возможности международного военного вмешательства в дела Сирии.

В последнее время на Западе любят ссылаться на то, что ПВО Сирии гораздо серьезнее того, чем располагала уничтоженная западной коалицией Ливийская Джамахирия. При этом не договаривают, что ведь и Муаммар Каддафи никогда не имел того уровня поддержки в арабском мире, который сейчас получает в Иране Башар Асад. Вдобавок, в период войны в Ливии Россия не оказала Триполи поддержки. В случае с Сирией ситуация несколько иная. Российский МИД месяцами сопротивляется американскому давлению по сирийскому вопросу, не желая способствовать падению Дамаска. А президент Сирии Башар Асад с присущей ему резкой откровенностью уже сказал о том, что Россия при этом защищает не Сирию, а себя.

Итак, появляется смутное опасение, что международная интервенция, даже опрокинув режим в Дамаске, приведет также и к развязыванию мировой войны. И это опасение пока что еще вызывает торможение на Западе. Такая цена за мироустроительный передел на Ближнем Востоке для Запада все еще слишком высока. Конечно, скорее всего, это остановка временная. Но что-то в этой машине западного давления вдруг замерло и ждет. Чего? Об этом — в следующих статьях.

Мария Подкопаева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

В неклассическом мире ты должен угадать незыбкое в том, что ты встретил.
Соединить его с тем незыбким, что есть в тебе. И на все это обретенное незыбкое опереться

Концептуализация Не-Бытия

Концепты постмодернизма. Часть V. Неукорененность. Номадология и ризома — 1

Что делает человек, которого уже совсем «достала» бессмысленность окружающего пространства симуляции и который боится и не хочет окончательно утонуть в виртуальном? Он отправляется в странствие. То есть бежит от симуляции «куда глаза глядят» — в надежде, что где-нибудь обретет подлинную реальность и смысл.

Постмодернизм всячески приветствует этот «синдром бегства». Он решительно заявляет: «Только в бегстве и может быть обретен хоть какой-то смысл. Беги, милый, беги быстрее и куда угодно. Главное, не останавливайся и не укореняйся».

В разных формах об этом писали многие постмодернисты — Мишель Фуко, Ролан Барт, Фредрик Джеймисон и т.д. Но наиболее полно данный концепт развернули Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Во втором томе совместного труда «Капитализм и шизофрения» (1980 г.) они посвятили этому концепту введение «Ризома» и большую главу «Трактат о номадологии. Машина войны». А затем развили концепт в отдельной книге «Номадология».

Номадология — наука о кочевничестве. Кочевник — предмет особого восхищения и главный герой Делёза и Гваттари. Но о нем чуть позже. Здесь же подчеркну, что Делёз и Гваттари заявляют — в отличие от Жана-Франсуа Лиотара — что целостность, в принципе, существует. Но это такая целостность, которая фундаментально отличается от целостности в мироощущении и философской классике премодерна и модерна.

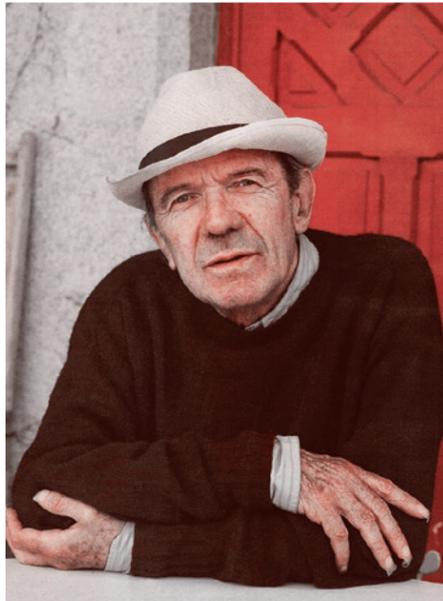
Там, в прошлом, целостность была опертая на метафизику бытия. Метафизика эта всегда адресует к абсолютному. И неважно, как называется это абсолютное. Для религиозного человека его метафизика адресует к богу — вездесущему и всеобъемлющему. Для материалиста абсолютным — всеобъемлющим и вездесущим — становится материя.

Подчеркну, что, говоря об абсолютном, я не имею в виду Абсолют, находящийся по ту сторону бытия. Я имею в виду то, что только что перечислил. Опирающийся на религиозную метафизику не сомневается в своей возможности опереться на бога. Опирающийся на метафизику материализма не сомневается в своей возможности опереться на материю и на ее движение (та абсолютность, которая лежит в основе диалектического материализма).

Такая способность опереться (не отменяемая, а лишь дополняемая философским или научным сомнением) порождала особые структуры бытия. Структуры, вырастающие (в том смысле, который я только что предьявил читателю) из некоего метафизического корня. Группирующиеся (опять же, в том смысле, который я только что предьявил читателю) вокруг некоего центра. Нанизывающиеся на некий стержень.

И все это — вырастание, группировка, нанизывание — подчиняется принципу опоры. Он же — очень специфическая метафизичность бытия. Метафизичность как опора и опора как метафизичность. Вот в чем специфика классической целостности и классического смысла.

Базовая метафора классической философии, из которой проистекает возможность опираться и опереться, — это Ось Бытия, она же Ось Мира, она же Древо. Этой метафорой «пропитана» вся классическая метафизика, онтология, гносеология: Древо мира, Древо жизни, Древо познания добра и зла, и так далее. В философской (и опертая на нее научной) классике действует «генетически обусловленное» развитие реальности от метафизического и онтологического центра, стержня, корня. Развитие и осмысление реальности идут от корня к стволу, от ствола к ветвям, от ветвей к веточкам, от веточек к листьям, и т.п. И у всех явлений и событий есть причины. Корень — причина ствола, ствол — причина ветви, и так далее. А листья — следствия ветвей и веточек.

Жиль Делёз (1924–1995). Фото: H.Bamberger/Gamma, с сайта noise-admiration.blogspot.ru

Все это — забудьте, говорят Делёз и Гваттари. На самом деле целостность — другая. Она не имеет никаких устойчивых корней, центров, стержней: «Мир потерял свой стержень» — заявляют они. А новая целостность — это «ризома».

Ризома, которую Делёз и Гваттари предьявляют в качестве единственной реальности и новой целостности, — это нечто вроде грибочка, в которой никакого главного корня и его «древовидных» порождений нет. Это такое состояние, в котором «корешки» случайно и непредсказуемо прорастают в любых местах и направлениях и столь же непредсказуемо исчезают.

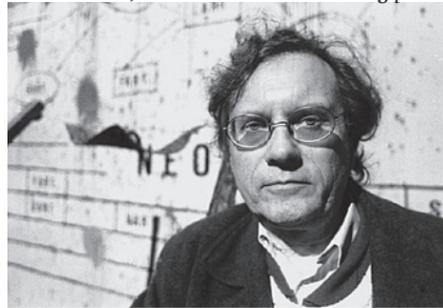
Почему случайно и непредсказуемо? Потому, пишут Делёз и Гваттари, что «ризома — это нелинейный процесс, весь состоящий из мгновенных и случайных «ветвлений» в любом направлении». То есть, отрицающий какие-либо связи, ведущие от причин к следствиям.

В ризоме все происходит на поверхности, не затрагивая никакую глубину. В ней нет структур с их устойчивыми центрами и связями (вспомни «децентрирование» у Дерриды). В ней есть лишь случайно и на мгновение возникающие в любом месте и в любое время квазиструктурности. Которые либо быстро исчезают вообще, либо непрерывно движутся по поверхности ризомы по «линиям ускользания».

Но и линии ускользания в этом концепте — вовсе не какой-то «связующий каркас» ризоморфной реальности. Ее целостность, по Делёзу и Гваттари, заключается в том, что линии ускользания случайным образом и на краткий миг связывают между собой любые точки ризомы. В этом смысле целостность ризомы (в отличие от классики структур) — бесструктурна и беспричинна.

При этом Делёз и Гваттари не решаются вообще лишиться свой мир-ризома причинно-следственной логики и осмысленности. Они заявляют, что как в синергетике (нелинейной динамике, о которой мы говорили в статьях об управляемом хаосе) могут

Жиль Делёз (1924–1995). Фото: H.Bamberger/Gamma, с сайта noise-admiration.blogspot.ru

быть зоны, где события связаны между собой классической причинностью, так же бывает и в «ризоморфном» мире. Случайность трансформаций ризомы иногда образует на ее поверхности подобия структур — «плато», «складки» и так далее. И именно на этих плато и в этих складках на поверхности мира-ризомы иногда возникают «очажки осмысленности».

Что чувствует после таких разъяснений человек, который отправился в странствие за целостностью и смыслом? Он чувствует, что его грубо обманули. Ведь и целостности нет, и смыслы, как разъясняют Делёз и Гваттари, возникают на поверхности ризомы лишь на краткие мгновения. И тут же исчезают в ходе дальнейшего неостановимого бега по ризомным «линиям ускользания».

То есть, это не смыслы, на которые можно опереться. И даже не острова осмысленности, на которых, в конце концов, можно жить. Это то ли временные клубки чего-то смыслоподобного... То ли какие-то кочки на болоте... Но это и не просто кочки — на кочку, в конце концов, тоже можно хотя бы временно опереться. Это — очаги иной зыбкости внутри зыбкости обычной, равномерно распределенной.

Ну, встретился ты с очагом иной зыбкости и поначалу обрадовался: вроде удалось найти что-то, кроме обычной зыбкости, ненависть к которой побудила тебя странствовать. Но иная зыбкость — это не прочность, это все та же зыбкость. И опереться на нее невозможно.

Ты это вскоре обнаруживаешь, начинаешь двигаться дальше. Но, встречаясь вновь с чем-то, отличающимся от обычной зыбкости, ты теперь спрашиваешь себя: «А не является ли это, отличное от обычной зыбкости, нечто, — всего лишь другой, более коварной зыбкостью?»

Однако если встреченное изначально приходится у тебя под подозрением, то оно, впитывая в себя подозрение, само превращается в зыбкость. А обнаружив, что оно является таковой, ты окончательно разочаровываешься. И либо погружаешься в зыбкость. Либо, странствуя в поисках незыбкого, насыщаешь своим сомнением и подозрением все встреченное, — и тем самым делаешь его зыбким.

Это — не высокая теория. Это описание того, как враг воюет с нами, на что он делает ставку. И почему он считает, что мы не сможем выйти из навязанной нам «Зоны Ч».

Выйти из нее могут и должны странники. Именно их задача состоит в том, чтобы выйти самим и вывести других. Поэтому врагу надо особо жестко разобраться со странником.

Как разобраться? Враг должен не просто поселить подозрение в душу странника. Враг должен создать и передать страннику такой вирус подозрения, который будет перемещаться при встрече странника с чем-то незыбким — в это самое незыбкое. И наращивать его зыбкость, а значит и подозрительность. И гарантировать изначально провальность попыток странника на что-то незыбкое опереться.

В итоге, как считает враг, странник должен капитулировать. А вместе с ним должна капитулировать и Россия, погруженная в постмодернистскую зыбкость, то есть в то, что мы называем «Зоной Ч».

Капитуляция странника — вот что является нынешней задачей врага. Враг до сих пор не смог извести странника на корню. Он этим изумлен. Но он верит, что странник — чуть раньше или чуть позже — капитулирует.

Взяв на себя задачу обсуждения постмодернизма, я знал, на что себя обрекаю. Постмодернизм очень текуч, изощренно недоопределен и нарочито сложен.

Описывать его на его языке — невозможно, потому что тогда ты сам погружаешься в его неотменяемую зыбкость. Описывать его на классическом языке — тоже

невозможно, потому что постмодернизм базируется на фундаментальном отрицании классического языка. И ты, пытаясь использовать классический язык, оказываешься просто смешон.

Кроме того, твои описания должны быть понятны людям, весьма далеким от нарочито запутанной постмодернистской зауми и не понимающим до конца, что они погружены именно в постмодернистскую зыбкость, что с ними ведется сложная и хитрая игра — по навязанным законам «ускользания» в мире-ризома.

Как же пробиться к сознанию таких людей? Мне кажется, есть одна-единственная возможная. Она заключается в том, чтобы представить их нынешнюю реальную, жизненную ситуацию как ситуацию странствия. Причем ситуацию, насыщенную постмодернистским коварным искусительством.

Желая все это упростить, не упрощая, я предлагаю нашим «сутевцам» ощутить свою собственную ситуацию как ситуацию, которую враг хочет превратить в номадологическое — то есть лишенное целей, смыслов и опор — странничество.

К этому есть все основания. Наблюдая «сутевцев» на протяжении двух лет, я могу предложить им рефлексивную модель. Именно такие модели и являются, на мой взгляд, главным средством преодоления номадологических искусов.

Вначале будущие «сутевцы», жившие в обычной зыбкости, услышали призыв Кургияна. И стали, выбираясь из этой зыбкости, куда-то идти. Поначалу, возможно, просто читая книги. Или проводя простейшие акции и другие мероприятия.

Шаг за шагом они убеждались в том, что рядом с ними тоже кто-то идет. И что эти траектории микространствий сплетаются, причем достаточно причудливым образом, образуя некий жгут. Ощущение себя внутри этого жгута — вот что знаменует переход во вторую фазу.

На третьей фазе жгут превращается в туннель, по которому идут странники. Туннель выводит из зыбкого во что-то другое.

Но в душах странников все еще размещена своя зыбкость. Она же подозрительность и так далее. Соприкасаясь с чем-то другим, странник говорит: «Я хочу верить, что ты не зыбкое. Но я проверю. Имею же я право и здесь подозревать зыбкость!» И впрямь, ведь он имеет на это право. Но как только он начинает соединять незыбкое со своим подозрением в его зыбкости — незыбкое становится зыбким.

И неважно, как называется это подозрение — «кремлевским проектом» или чем-то еще. Главное, что странник считает, что мир состоит из его зыбкости и чего-то незыбкого в классическом смысле этого слова, куда он не может привнести свою зыбкость. Но такового уже просто нет. И потому новое, прочное незыбкое — может быть только создано, построено самим странником. Построено, а не дано ему в качестве несомненности.

В это — вызов неклассичности. В классическом мире ты можешь встретиться с чем-то, потыкать в него и, обнаружив незыбкость, успокоиться и сказать: «Наконец-то я нашел незыбкое! Нашел опору!»

А в неклассическом мире ты должен угадать незыбкое в том, что ты встретил. Соединить его с тем незыбким, что есть в тебе. И изгнать зыбкое из того, что ты встретил, и из себя. И на все это обретенное незыбкое опереться.

Враг не верит, что мы сможем это сделать. Но мы должны это сделать. И именно для того, чтобы это сделать, мы вновь и вновь присматриваемся к постмодернистской теории жизни в зыбком, сотворения зыбкого, создания модификаций зыбкости и так далее.

Юрий Бялый

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

Почему во имя возрождения казачества некоторые атаманы используют то, что разрушает казачество и страну, а не то, что должно нас примирить и объединить как нацию

Казачество. Испытание независимостью

Процессы, протекающие в последние месяцы в казачьем сообществе, заставляют нас вновь вернуться к теме возрождения казачества. Поскольку споры между казаками о том, являются они народом или сословием, явно вредят благородному делу возрождения казачьих культурных и державных традиций.

Я в предыдущей статье уже писал о прошедшем 26 января 2013 года в Ростове-на-Дону митинге донских казаков при участии представителей Уральского, Терского и Кубанского казачьих войск, а также Московского казачьего круга. Писал я и о тех требованиях, которые участники митинга выдвинули в адрес руководства Ростовской области и федеральных властей:

- признать казачество народом;
- не препятствовать регистрации региональных Национально-культурных автономий (НКА);
- разрешить указывать «казак» в качестве национальности в документе, удостоверяющем личность.

Подписи под этими требованиями (причем, в основном, только в интернете) поставили около 3000 человек.

Некоторые эксперты подчеркивают, что в одно только Войско Донское входит почти 150 тысяч казаков и членов их семей. Эти эксперты считают, что заявленные на митинге требования для большинства казачества просто неактуальны. Однако с такой оценкой соглашаются далеко не все специалисты. Многие указывают и на авторитет атаманов, которые уже много лет выступают с подобными требованиями, и на достаточно широкое представительство казаков на ростовском митинге, и на реакцию местной власти в отношении требований митингующих.

Так, 7 февраля 2013 года департамент Ростовской области по делам казачества и кадетских учебных заведений решил создать рабочую группу для проработки вопроса о «возможности внесения в свидетельство о рождении ребенка национальности родителей — «казак» и «казачка». Но при этом замгубернатора области (и по совместительству лидер «Казачьей партии РФ») С. Бондарев заявил в ноябре 2012 года, что «казак — это сословие» и что его соратники не выступают за признание казаков «самостоятельным народом».

Видимо, местная власть будет пытаться найти по этой проблеме какой-то компромисс между разными группами казачества. Однако многие эксперты считают, что какие-либо частичные уступки вряд ли удовлетворят атаманов, возглавляющих протестную акцию.

Так организатор митинга, атаман Зимовниковского юрта ВКО ВВД П. Сериков заявил: «Казачий народ очень упрямый и вредный. Это характерная черта нашего народа. И когда власть игнорирует нас, народ начинает заводиться. Но я думаю, наше государство разумное, поэтому будет адекватным и отреагирует на наши требования».

Значит, для лидеров протеста все эти вопросы носят принципиальный характер, и полумер они не примут? Почему?

Профессор Южного федерального университета А. Лубский уверен, что «митинги организуют идеологи казачества, у которых есть вполне реальные политические цели — передать казачеству часть государственных и муниципальных функций. Поначалу речь даже шла о том, чтобы уравнять казачество как народ с другими народами России, имеющими свои органы государственной власти (например, проекты создания Донской республики)».

Значит, у «идеологов» казачества есть другая программа, выходящая за рамки публично выдвинутых в январе 2013 года требований? Некоторые специалисты убеждены, что речь идет именно об этом. И что такие «идеологи» действительно имеют целью создание «независимого казачьего государства», но на публичных мероприятиях и в официальных документах стараются избегать радикальных лозунгов. А потому —

пока — публично заявляют те требования, которые вписываются в принятый в начале 90-х годов Закон «О реабилитации репрессированных народов». Но считают выполнение этих требований, предполагающих «политическую и территориальную реабилитацию казаков», лишь первым шагом на пути к обособлению и отделению от Москвы.

Но иногда подобные «идеологи» публично проговариваются о своих реальных целях. Такие проговорки есть, например, в материалах организации «Донская казачья республика» (ДКР), которую мы уже упоминали ранее. Ее лидер атаман А. Юдин — один из инициаторов «казачьего возрождения на Дону и в России» — как раз из таких «идеологов».

Прочитав некоторые положения из двух проектов Конституции этой самой «Донской казачьей республики»: «Суверенитет Донской казачьей республики выражается в обладании всей полнотой государственной власти... вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий РФ по предметам совместного ведения... В пределах своих полномочий ДКР самостоятельно участвует в международных и внешнеэкономических связях...»

Все граждане по праву рождения получают на свои личные счета часть дохода от использования природных ресурсов ДКР... Земля и все полезные ископаемые недр в пределах территории ДКР принадлежат на праве собственности ДКР... Государственными языками в ДКР являются казачий и русский языки...»

А далее — главное:

«В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом Казачьей республики Всевеликого Войска Донского, изданным по предметам ведения Казачьей республики Всевеликого Войска Донского, действует нормативный правовой акт казачьей Республики».

Здесь фактически устанавливается приоритет регионального законодательства над федеральным. Но и это не все. В материалах газеты «Донское время» (печатный орган «ДКР») появляется другое название будущего казачьего государства: «...Ту ростовщически-воровскую жизнь, которую Казаки навязывают богоизбранным, никак невозможно связать с традиционным (десятилетиями) казачьим жизнеустройством. Или то, или это. Химеры, то есть слияния разнородного, быть не может...» Название «Казакция» здесь явно не случайность. И адресует не только к полной независимости от России, но и вполне определенным зарубежным «конструкторам» казачьего протеста.

Но об этом — ниже. Здесь же подчеркнем, что лидер «ДКР», председатель Совета атаманов Юга России А. Юдин — фигура совсем не маргинальная — не только фактически занимается пропагандой независимой Казачьей республики, но и плотно сотрудничает с зарубежными организациями «казачьих националистов», активно пропагандирующих независимую «Казакцию».

Понимает ли та часть казачьего сообщества, которая следует за подобными идеологами, в какую разрушительную для России игру их втягивают? Участниками какого антироссийского проекта, зародившегося почти 90 лет назад в среде белой эмиграции, они могут стать? На этом вопросе стоит остановиться, ибо он раскрывает генезис некоторых «казачьих» идеологических и политических инициатив.

В среде казаков, оказавшихся после Гражданской войны в эмиграции, сформировалось три основных политических течения. Первое выступало за то, что «казачьи земли» должны оставаться в составе России, освобожденной от большевиков, и если и допускаться временная «независимость казачьих земель», то только до «полной победы над красными». Второе течение декларировало «суверенитет казачьих территорий» независимо от дальнейшей судьбы России. А еще были украинские казаки националисты, защищавшие идею «самостийности Украины».

Во второй половине 1920-х годов казачьи эмигранты создали организацию «Вольное казачество» («Вольно-казачье движение»), ставившую целью создание на территории России независимого государства «Казакция». Была разработана и Конституция «суверенного федеративного государства Казакция» — со своими органами власти, вооруженными силами, налоговой системой, денежным обращением, таможенными границами и т.д.

В этой Конституции, напечатанной в январе 1932 года в журнале «Вольное казачество», определялись и границы будущего государства: «Объединенная Казакция составляет из следующих политически-автономных областей, именуемых «Членами Союза»: Дон, Кубань, Терек, Яик (Урал), Астрахань, Оренбург и Калмыцкая область...»

Гражданин Казакции возбраняется носить одновременно в подданстве какого-либо иного государства, принимать от него титулы и знаки отличия, и публичные должности... Казакция есть вполне суверенное государство. Она совершенно свободно входит со всеми иностранными государствами в те международные сношения, которые по ее усмотрению в наибольшем размере желательны и полезны для безопасности страны и для развития всех культурных условий в жизни Казакции».

Обратим внимание на то, что всё не ограничилось простыми декларациями. В начале 1930-х годов к лидеру «Вольного казачества» генералу И. Быкадорову проявили интерес сразу несколько зарубежных разведок, рассматривавших сепаратизм в качестве инструмента развала России. Среди них были поляки, чехи, французы и англичане. Сами лидеры «Вольного казачества» (И. Быкадоров, И. Билый, М. Фролов и др.) жили в Праге и получали финансирование от польской разведки.

Лидер «Вольного казачества», генерал-майор Быкадоров Исаак Федорович. Фото — Музей лейб-гвардии казачьего Езо Величества полка в Курбевуа (пригород Парижа), caim beloedelo.livejournal.com

Практически все поступающие И. Быкадорову предложения о помощи по созданию Казакции предполагали плату или частью российской территории, или правами на добычу полезных ископаемых и эксплуатацию транспортной инфраструктуры. Например, представитель английской разведки сразу заявил на встрече, что «под протекторат Езо Величества поступают всё Закавказье, Дагестан, Абхазия и все советские горские республики», а внешняя политика Казакции согласуется с правительством Англии...

Надо отдать должное И. Быкадорову. Казачий генерал не принял ни одного подобного предложения своих зарубежных визитеров (да и делить особо было еще нечего). А позже публично заявил, что «видит будущее донских казаков в едином сильном Российском государстве».

В 30-е годы интерес к казачьему сепаратизму проявляли и немцы. К началу войны в Европе уже существовало несколько организаций и печатных изданий, отстаивающих идею создания независимого государства Казакция. Этих самостийников, как и казаков, выступавших за «Единую и Неделимую Россию», фашисты использовали для построения казачьих формирований, выполнявших в основном карательные функции.

Боле того, для обоснования своего сотрудничества с казачеством фашисты (при помощи самих же самостийников) разработали «научную теорию» о «казаках-арийцах» (которая, отмечу, иногда появляется на казачьих сайтах). По этой «теории» «казаки являлись потомками остготов, владивших Причерноморским краем во II–IV вв. н.э. Следовательно, это не славяне, а народ германского корня, сохраняющий прочные кровные связи со своей германской прародиной».

В первой половине 40-х гг. среди казаков-самостийников была довольно широко распространена идея о том, что «казачество — это особый народ, ...находившийся под рабством России в течение 180 лет до революции, и задачей которого является обретение в ходе войны национальной и государственной независимости».

Среди сторонников идеи «казачьей самостийности» следует упомянуть генерала П. Краснова, возглавлявшего Главное Управление казачьих войск в Берлине и консультировавшего немцев по вопросам казачества.

А после войны тезис о якобы существовавшем независимом государстве «Казакция» вошел, с подачи украинских эмигрантов-националистов (прежде всего, бандеровских, но и не только) в «Резолюцию о порабощенных нациях», принятой Сенатом и Конгрессом США в июле 1959 года. Резолюция гласит: «...Импералистическая политика коммунистической России привела, путем прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины... Идель-Урала... Казакции и других... Нам следует надлежащим официальным образом ясно покзать таким народам тот исторический факт, что народ Соединенных Штатов разделяет их чаяния вновь обрести свободу и независимость».

Знаменательно, что часть казаков-эмигрантов не приняла фальсификации на тему Казакции. Так, донский казак, профессор Г. П. Чеботарев (1899–1986), живший в США, посвятил разоблачению украинских националистов, «дезинформировавших Конгресс США», статьи и часть своих воспоминаний. Чеботарев, входивший в близкое окружение генерала П. Краснова, как реальный очевидец событий тех лет свидетельствовал, что «провозглашение Всевеликого Войска Донского (ВВД) независимым государством в сентябре 1918 года было сделано под давлением командования германских войск, оккупировавших Украину и стремившихся к дальнейшему расчленению всей России». И что во время Гражданской войны на территории России «не существовало национально-независимого государства, называвшегося Казакией».

При этом Г. Чеботарев в своих воспоминаниях приводит цитату из послания Донского Войскового Круга крестьянам Воронежской губернии в сентябре 1918-го: «Мы хорошо помним, что мы плоть от плоти Русского народа. Мы ни на минуту не забываем, что судьба донских казаков тесно связана с судьбой русского народа и Российского государства».

Так что возникает большой и болезненный вопрос. Если возрождение казачества в России происходит в основном с опорой на традиции белого казачьего движения, то почему даже из этого достаточно противоречивого наследия некоторые атаманы отбирают то, что разрушает казачество и страну, а не то, что должно нас примирить и объединить как нацию, а наше государство сделать сильным и независимым?

Эдуард Крюков

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Известный публицист Владимир Семенко рассматривает ведущуюся с обществом культурную войну с точки зрения классического православного интеллектуала. Это очень важный ракурс, с которым мы считаем нужным познакомить читателя

Перверсивный идеал и деконструкция нормы

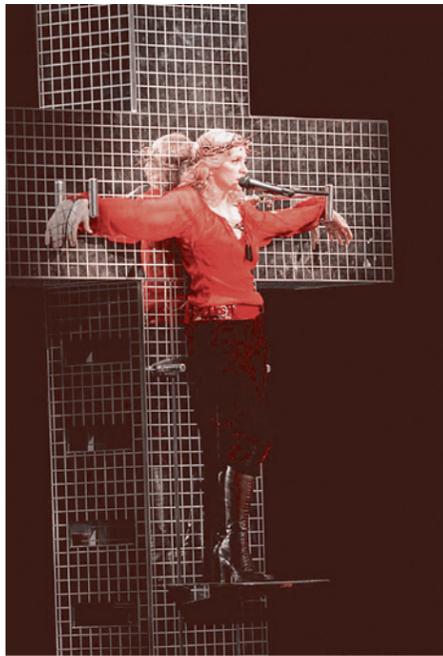
Война с идеальным в культуре и СМИ

Когда говорят о том, что порок, «либеральный гуманизм» и воинствующий антихристианский секуляризм в последнее время весьма агрессивно атакуют нашу христианскую традицию и навязывают себя в качестве новой нормы, то само по себе это совершенно верно. Однако конкретный механизм этой вполне хладнокровной и целенаправленной ломки социокультурной и нравственной нормы и формирования принципиально новых стереотипов понимается часто недостаточно глубоко, поверхностно.

Классический атеизм эпохи модерна стремится противопоставить якобы устаревшим церковным, клерикальным идеалам и ценностям свои альтернативные идеалы и ценности, что является, по крайней мере, честным. В отличие от этого сегодняшние постмодернистские игры с культурой основаны на, так сказать, системной работе с ярлыками, на определенной системе манипуляций и подмен, когда антиидеал представляет себя как «подлинную традицию». Это не одно вместо другого («богиня разума» вместо Христа, культ героев революции вместо культа святых, «Родина-мать» вместо бога и т. п.), а именно подмена, попытка обмана несведущего массового потребителя соответствующего «культурного» продукта, человека с предельно примитивным сознанием, основательно «выпотрошенным» при помощи информационных технологий. Работа постмодернистских технологий может быть описана, в терминах Льва Гумилева, как антисистема, которая не может существовать, не паразитируя на теле Традиции, большой системы. Но при этом, продлевая и углубляя это паразитирование, делая его все более изощренным, убивает, уничтожает саму систему, тем приближая и собственную гибель. Ибо антисистема как проявление принципиально небитийных начал не способна к творчеству, к подлинному созиданию нового, она может работать только как паразит, способствующий смерти того, на чем она паразитирует.

Примеры, которые мы собираемся привести для иллюстрации нашей мысли, на первый взгляд, относятся к сфере культуры. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что будучи, с одной стороны, очень важным проявлением культурной войны, они при этом выходят далеко за пределы собственно культурной сферы, в традиционном смысле вообще не относясь к ней. Само их существование и эффективная «работа» по достижению целей, перед ними поставленных, невозможна вне сферы информационной, того «сопровождения», которое предоставляют им СМИ. Поэтому здесь приходится уже говорить о еще одной, так сказать, пограничной разновидности войны — войне культурно-информационной, находящейся как бы на стыке этих двух сфер.

Первый пример — скандальное «творчество» небезызвестной Луизы Вероники Чикконе (сценический псевдоним «Мадонна»). Это вполне презираемый персонаж. Неангажированная западная пресса пишет о том, что Мадонна это — «вычурная певичка с неестественным, металлическим голосом», выходящая в тираж «вульгарная танцовщица по прозвищу Микки-Маус», незадачливая самозваная английская аристократка, не раз уличенная в плагиате. Профессиональная музыкальная критика крайне невысокого мнения о ее вокально-сценических заслугах. Однако эти трезвые мнения уверенно перебиваются мощной информационной «работой» телевидения и таблоидов, на протяже-

нии двух с лишним десятков лет создающей Мадонне репутацию выдающейся артистки, певицы, многосторонней и глубокой «звезды шоу-бизнеса».

При этом крайне важно, что основу скандальных концертных номеров этой в самом точном смысле антимадонны составляет тщательно и хладнокровно продуманная система кощунств. Она не просто всеми силами пропагандирует крайне свободное и «раскованное» сексуальное поведение, но постоянно, упорно и последовательно попирает именно христианский смысл, все время как бы отталкиваясь от своего прошлого воспитанницы двух католических пансионов (откуда она сбежала, чтобы начать бурную карьеру в качестве танцовщицы в стриптиз-баре). Тщательно обработанный электронный техникой голос под аккомпанемент соответствующих буйных ритмов и профессионально исполняемые непристойные телодвижения весьма часто сопровождаются и прямыми надругательствами над общеизвестными христианскими символами.

Однако этим суть «проекта Мадонна» вовсе не ограничивается. СМИ создают ей репутацию, далеко выходящую за рамки ее скандальной концертной деятельности. Главное для Мадонны не просто слов системы христианских норм и запретов (который очевиден и лежит на поверхности), но позиционирование себя в определенном смысле как истинной Мадонны, апелляция к христианской по своему происхождению идеальности! Последовательное нарушение христианских запретов, поругание морали, попрание Креста, сексуальная распущенность, кощунственные тексты песен продуманно сочетаются в ее деятельности и в создаваемом ей образе с нарочитой добротелью, обликом любящей жены и матери и благотворительными акциями. Одно без другого неинтересно, не работает: кощунство в создаваемом Мадонне информационно-виртуальном «макияже» непременно должно соединяться с добротелью, с «ангельским» обликом и благотворительностью. Тот, кто топчет крест, кощунствует и развратничает, вполне может служить людям деятельным добром, быть добродетельным с точки зрения именно христианских норм и заповедей — вот основная мысль закулисных авторов «проекта».

Стареющая блудница не просто распинается на кресте в терновом венце в ключевом и самом скандальном концертном номере; она говорит, что это символизирует ее уподобление Иисусу, который тоже помогал бедным: «Иисус одобрил бы мои действия, потому что я сорастаюсь больным СПИДом детям Африки, которым жертвую \$3 млн, заработанные концертом». При этом абсолютно неважно, имеет ли место в действительности вся эта благотворительность и добродетельная семейная жизнь — последняя-то уж во всяком случае миф! В данном случае важно другое: «христианская» добродетель, служение людям позиционируется в СМИ не просто как связанная, а как основанная на попрании этой самой нормы! (Деньги для помощи больным детям зарабатываются на кощунственных «концертах»; их платят люди, которым концерты, а стало быть, и кощунства, нравятся). Наконец, точно такая же типично постмодернистская двусмысленность, разрушающий традиционный христианский смысл, прослеживается и в принятии звездой нового, каббалистического имени «Эсфирь или Эстер» (дарующая жизнь Божия Матерь, которая изначально, согласно христианской традиции, всегда и именовалась Мадонной, и отнимающая жизни библейская Эсфирь, повинная в гибели 70000 ни в чем не повинных персов).

Другой крайне важный для нас пример — нашумевший роман Дэна Брауна «Код да Винчи» и снятый по нему фильм. Собственно культурный уровень данного произведения весьма невысокий. Достаточно упомянуть, что специалисты Ватикана насчитали в нем около 600 ошибок, выдающих вопиющее невежество автора в истории мировой культуры и религии. Но реклама романа и фильма в СМИ была поистине беспрецедентной! Действующий там орден «Приорат Сиона» позиционирован в романе не как группировка атеистов, врагов Бога и Христа, но как общество истинных христиан, ведущих войну не на жизнь, а на смерть с этой проклятой Церковью, искажившей истинное учение Христа. «Тайна Грааля» в романе — это тайна потомства (!) Христа и Марии Магдалины, тщательно скрываема «клерикалами». А инициацией для вступления в орден являются массовые оргии. При этом католическая церковь (Православия для автора не существует в принципе), с которой борются члены ордена, изображается как средоточие всевозможных пороков и преступлений.

Итак, тайна «истинного христианства», согласно роману, заключена в нарушении одной из главных христианских заповедей («не прелюбодействуй») самим основателем религии, который всеми христианами почитается как богочеловек. Таким образом, по Д. Брауну, заповеди нарушает сам Бог, а «безнравственные церковники» скрывают это от народа. Роль же «анти-Мадонны» выполняет здесь Мария Магдалина: ведь именно она в «концепции» романа — «истинная ученица» Учителя, зачинающая и рождающая от Него естественным путем (антинепорочное зачатие).

На фоне двух разобранных выше примеров совершенно очевидно, что столь нашумевшие минувшей весной и летом «Pussy Riot», представляемые рядом СМИ в качестве радикального нового явления, в действительности очень вторичны. Аналогия здесь доходит до буквального повтора. «Пусси» представляют собой пародию на пародию, дальнейшую «попсовизацию» и примитивизацию са-

мой технологии. Думается, что в этом случае вряд ли кто станет спорить с тем, что вне информационной поддержки их просто нет: кому интересно какое-то хулиганство в храме, если о нем не упоминают в прессе?!

«Политическая» составляющая акции ничтожна. Если же обратиться к тексту стишат, которые они так и не сумели пропеть (что не помешало информационщикам, сопровождавшим «проект», выложить их в сети как якобы реально исполненные), то в нем мы обнаружим весь разобранный выше «джентльменский набор»: глумление над святынями как «истинное христианство», феминистская идеология, воинствующий антиклерикализм, радикальный разврат как «преодоление пола», и все это — как путь к «истинной вере», искаженной «проклятыми церковниками».

За полгода, минувшие с момента «акции», некоторые публицисты, причем и из крайне правых, якобы фундаменталистских кругов, потратили немало усилий, ожесточенно пропагандируя «пуссей» как носительниц «истинного христианства», разоблачающих «ложь и лицемерие церковников». Их представляли как обличительниц «путинского режима и гундяевской инквизиции», «показавших бесчестие русского человека», как «прекрасных девушек» (!), люто «ненавидимых великой родиной-Матерью этих воцерковленных уголовников», «Святой Русью, пьяной от крови и бледной от вранья» и т. д. Особенно постарались в этом плане основатели и члены т. н. Общества христианского просвещения (!!) на сайте «Правая.ру» (приведенные цитаты взяты оттуда) — Р. Багдасаров, И. и Я. Бражниковы, В. Гольшев и др. Именно эти «просветители» составили основу конференции по проблемам церковной реформы (!), проведенной недавно под кураторством известного политтехнолога с «безупречной» репутацией — С. Белковского.

Закономерным финалом проекта «Pussy Riot» стала выставка «новой иконописи» в галерее «Винзавод», проведенная под кураторством М. Гельмана, где хорошо узнаваемые профили в балаклавах удостоились уже и «иконописного» (то есть, с точки зрения функциональной, прямо культового!) изображения.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Цель культурно-информационной войны, ведущейся против христианской Традиции, заключается не просто в разрушении восходящей к Божественным заповедям системы норм и запретов, но — в мутации самой нормы. Промывание мозгов, деформация культурно-исторической памяти и всей системы ценностной осуществляются путем внедрения в сознание представлений о том, что сознательное попрание традиционной нормы и есть истинное следование традиции, якобы искаженной в ходе предшествующего исторического развития.

Мы предлагаем называть это формированием перверсивного идеала. Главным средством этой разновидности войны являются СМИ, информационные технологии, агрессивно вторгающиеся в сферу культуры. Это несет в себе смертельную угрозу не только собственно религиозной традиции, но шире — всей классической культуре, включая и ее светский «извод», кардинально ломая всякую систему позитивных ценностей, всегда, так или иначе, прямо или опосредованно, восходящих к данным от Бога заповедям.

Владимир Семенко

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 09 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С.Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургинян
Адрес редакции: Садовая-Кудринская д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в ОАО «Подольская фабрика офсетной печати», Ревпроект, д. 80/42, г. Подольск, Московская обл., 142100

Заказ № 1292
№16 (16) от 20.02.2013
Время подписания в печать: по графику — 10:00, фактическое — 10:00
Тираж 12000
Цена свободная